

INSPIRIA

ТЕССА БЕЙЛИ

Мои убийственные каникулы

18+

«Ничто так
не зажигает
мое сердце,
как книги
Тессы Бейли».

ЕЛЕНА АРМАС,
автор бестселлера
«Испанский
любовный обман»

INSPIRIA

Тесса Бейли

Мои убийственные каникулы

Серия «Cupsake. Бестселлеры

БукТока. Тесса Бейли»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70305901

Мои убийственные каникулы: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-194959-4

Аннотация

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ЭТИМ ЛЕТОМ»!

НОВИНКА ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ РОМАНОВ ЕЛЕНЫ АРМАС И АНЫ ХУАН.

Более 20 000 0000 просмотров в TikTok!

Тейлор и ее брат арендуют небольшой коттедж на солнечном полуострове Кейп-Код, чтобы провести там летние каникулы. Правда, их отдых прерывается, когда милый домик на берегу океана превращается в место преступления.

Расследует дело Майлз – суровый парень, который отказывается принимать помощь Тейлор в расследовании. Она работает учительницей в начальной школе, а в свободное время

увлекается тру-крайм подкастами, поэтому ей очень хочется помочь найти преступника. Позволит ли Майлз присоединиться Тейлор к расследованию? Ведь с каждым днем его влечет к этой девушке все сильнее.

«Ничто так не зажигает мое сердце, как книги Тессы Бейли». – *Елена Армас, автор бестселлера «Испанский любовный обман»*

«Да здравствует новая королева ромкомов Тесса Бейли!» – *Джули Мерфи, писательница*

«Почерк Тессы Бейли стал легко узнаваем, благодаря горячим сценам в ее романах». – *Buzzfeed*

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	26
Глава 3	40
Глава 4	59
Глава 5	79
Глава 6	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Тесса Бейли

Мои убийственные

каникулы

Tessa Bailey

MY KILLER VACATION

Copyright © 2022 by Tessa Bailey

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency

Cover design by Sarah Hansen, Okay Creations

© 2022 by Tessa Bailey This edition published
by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis
Literary Agency Cover design by Sarah Hansen, Okay Creations

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «ЭКСМО», 2023

* * *

Читайте в серии
«ДИЛОГИЯ О СЕСТРАХ БЕЛЛИНДЖЕР»

Что случилось этим летом

У любви на крючке

ТЕССА БЕЙЛИ

Пол
убийственные
каникулы

INSPIRIA

Москва
2023

Глава 1

Тейлор

Всем тем, кто в прошлом обзывал меня дешевкой...

Что вы думаете про меня *сейчас*, придурки?

Многолетняя экономия каждого гроша и разумное распределение ресурсов – вот что позволило мне наконец снять на целых шесть дней шикарный пляжный домик. И это на зарплату учительницы второго класса! Мой сверкающе-белоснежный бриллиант на берегу океана, и не где-нибудь, а прямо в Кейп-Код, опоясан верандой, а дорожка ведет отсюда напрямиком на мой собственный – ну почти что мой – пляж. У меня уже шевелятся пальцы ног от предвкушения, как я зарою их в песочек под солнышком Новой Англии, как задымится на здешнем пекле моя полупрозрачная кожа, а главное, как оживет от смены впечатлений мой младший брат, как начнется наконец его выздоровление после сердечной травмы.

Одной рукой я тяну за ручку чемодан, в другой держу наготове ключ, который мне не терпится вставить в дверной замок. При этом я озираюсь через плечо, ловя первые признаки возвращения жизни на смазливую юношескую физиологию Джуда.

– Черт возьми, Тейлор, – бормочет он, – как я погляжу,

твоя прижимистость принесла плоды...

– Жаться совершенно ни к чему, достаточно умеренной экономии.

– Не собираюсь с тобой спорить, раз ты обеспечила нам такой шикарный вид! – Джуд поправляет доску для серфинга, которую несет под мышкой. – Выходит, собственник дома решил его сдавать? Ума не приложу, почему он не живет здесь круглый год.

– Ты удивишься: большая часть домов на этой улице сдается. – Я киваю на вереницу почти одинаковых домиков на другой сторонке узкой улочки: все до одного обшиты сайдингом, перед каждым разрослись кусты пунцовой гортензии. – Я подумывала о другом доме, видишь, вон о том, но там не оказалось ванны на лапах.

– Боже правый! – Он шутливо закатывает глаза. – Ты права, жить без ванны на лапах – все равно что ютиться в палатке.

Я оглядываюсь и показываю брату язык, потом вставляю в замок ключ и, ликуя, поворачиваю.

– Просто хочу, чтобы все было безупречно. Ты заслуживаешь хорошего отдыха, Джуд.

– А ты, Ти? – спрашивает он.

Я уже заглядываю внутрь, и у меня перехватывает дыхание. О да, здесь есть все, обещанное хозяином дома при нашей с ним переписке онлайн, и даже больше! Панорамные окна, в которых волнуется Атлантический океан и зеленеют

облепленные изумрудной травой, поросшие полевыми цветами склоны, спускающиеся к сапфировой воде. Высокий балочный потолок. Камин, зажигающийся нажатием кнопки. Глубокие манящие кресла. Все оформлено с большим вкусом, доминирующая тема оформления – мореплавание. Аромат – и тот приятный, только пока что не пойму, чем пахнет, но это не к спеху... Самое чудесное – это ласковый рокот волн, слышный по всему дому.

– Ты мне не ответила. – Джуд прислоняет свою доску к стене и тычет мне пальцем в бок. – Разве ты сама не заслуживаешь хорошего отпуска? После целого года преподавания по Зуму соплякам, тайком режущимся в «Майнкрафт»! И еще года стремительного освоения с новым классом материала сразу двух лет! Кругосветное путешествие – вот что тебе за это на самом деле причитается.

Он прав, я заслужила этот отдых и намерена оттянуться по полной, но еще больше мне по душе помочь Джуду начать радоваться жизни. Как-никак он мой младший братишка, и мне положено о нем заботиться. Так у нас повелось с самого детства.

– Забыла спросить: когда ты последний раз получал вести от мамы с папой? – Обычно, задав этот вопрос, я перестаю дышать. – Когда я в прошлый раз с ними говорила, они были в Боливии.

– Думаю, они все еще там. В стране назревают бунты, и они на всякий случай эвакуируют тамошний Националь-

ный музей.

Вечно у наших родителей какие-то невообразимые занятия! Официально они – археологи, но это звучит скучно, а им живется куда веселее: власти разных стран подряжают их для защиты и сохранения шедевров искусства в периоды внутренних беспорядков, грозящих гибелью бесценным сокровищам. На Днях профориентации, куда непременно приглашают наших родителей, в первом ряду неизменно звучит детский голос: «Вы прямо как Индиана Джонс!» Родители всегда к этому готовы. «Змеи! – дружно восклицают они. – Никуда от них не деться!» Сказываются годы тренировок.

Они – замечательные люди. Штука в том, что я плохо с ними знакома.

Зато они одарили меня величайшим в моей жизни сокровищем. Сейчас оно – то есть он – разлеглось, не разуваясь, на ближнем диване. Такая у него привычка. Он всюду ментально начинает чувствовать себя как дома.

– Самая большая комната – твоя. – Брат зевает и запускает загорелую пятерню в свою растрепанную темно-русую шевелюру. На мою попытку спорить он молча отвечает решительным жестом – предложением держать рот на замке. – Это не обсуждается. Мне эти хоромы вообще не по карману. Буду довольствоваться комнатой поскромнее.

– Но после всего, что было с Бартоломью...

По его лицу пробегает тень.

– Я в порядке. Не надо так за меня переживать.

– Кто бы говорил... – Я качу свой чемодан в кухню. Seriously, что это за запах? Можно подумать, что в кухне совсем недавно вовсю готовили, отсюда пропитавший все дух чеснока и специй. – Лучше бы ты вздремнул...

В следующую секунду я усмехаюсь: до моего слуха долетает его храп. С моего брата стало бы уснуть на крыле набирающего скорость Боинга-747. Мне остается ему завидовать: чтобы заснуть мне нужен целый ритуал возни с подушкой, придания ей специфической формы и последующего четырехчасового бдения. Здесь, правда, я возлагаю надежды на баюкающую мелодию прибора.

Расправив плечи, я задвигаю ручку чемодана внутрь и, прижав его к груди, лихо преодолеваю ступеньки лестницы. Ванна не давала мне покоя с тех пор, как я высмотрела ее на одной из фотографий. В перечне удобств ее не было, а зря! В моей квартирке в коннектикутском Хартфорде есть только душ, поэтому моя мечта. Я усердно изучаю в соцсетях роскошные ритуалы приема ванны и ничуть не осуждаю любителей трапезничать курсом из нескольких блюд в горячей воде, среди пузырьков. Спагетти и тефтельки в окружении мыльной пены – что ж такого? Не уверена, что сама до такого дошла бы, но уважаю увлеченных энтузиастов.

Главная спальня дома манит простором и одновременно уютом, тема ее оформления тоже морская, преобладающие тона – кремовый, белый, голубой. Мы приехали в солнечную погоду, но сейчас солнце спряталось за облака, и стены

спальни потемнели. Как же здесь тихо! Кровать так и манит, но ничто, разве что сокрушительная буря, не помешает мне первым делом принять ванну, о которой я грезил не одну неделю.

Войдя в ванную, я издаю девчачий визг при виде вожденной чугунной лохани у дальней стены, вернее, на фоне витринного окна от пола до потолка. Оставляю за дверью чемодан, сбрасываю обувь, спина уже ноет от предвкушения... Погоди-ка, сюда, наверх, тоже просочился, чую, едкий запах? Как-то странно... Не иначе прежний арендатор имел привычку питаться прямо в ванне и оставлять гнить здесь недоеденное.

Так-так... Дом безупречен, не считая этого прискорбного обстоятельства. Что за нелепость?

Есть и другой вариант – издохшая за плинтусом мышь или крыса. Но разве я позволю какой-то дохлятине испортить нам удовольствие? Свяжусь с хозяином и потребую вызвать службу дезинсекции, только и всего. Проблема решится в считанные минуты, даже будить Джуду не придется.

Ванна манит меня издали, я уже слышу восхитительный плеск воды, вижу пар, от которого запотевают окна... Может, наскоро принять ванну, прежде чем звонить хозяину дома из-за запаха?

Для пробы я закрываю дверь ванной комнаты, и запах ощутимо ослабевает.

Решено, ванна!

Я, пританцовывая, приближаюсь к ней, отворачиваю горячий кран и, вздыхая, любуюсь почти безлюдным пляжем за окном. Похоже, все отдыхающие разбрелись по домам, отходить после июля. После этой даты цены на аренду заметно падают, и мой невероятно популярный братец покочевал за длинный уик-энд по нескольким барбекю, так что прибытие сюда 5 июля, во вторник, устроило нас обоих.

Наполнив ванну наполовину, я возвращаюсь в спальню, чтобы раздеться и аккуратно сложить одежду на кровати с мыслью переместить ее потом в корзину для стирки. При этом я дышу ртом, чтобы не чувствовать запах. На пути обратно в ванную я предпринимаю нечто существенное. Этот дом я нашла на сайте StayInn.com, где фигурирует настоятельное предупреждение: при вселении первым делом проверить пожарную сигнализацию и улавливатель углекислого газа.

– Лучше сейчас, чтобы потом не забыть... – бормочу я себе под нос и смотрю на потолок, хотя датчикам положено располагаться в холле...

Две дырочки. Просверлены в потолочном плинтусе.

Только этого не хватало! Не иначе это выкрутасы моего воображения.

По рукам и по ногам уже бегут мурашки, я закрываю руками грудь, в висках стучит, меня пробирает дрожь. Ничего удивительного, стандартная реакция на неожиданность. Уверена, я приняла за дырки шляпки гвоздей. Никакие это

не отверстия для подглядывания! Всегда знала, что увлечение тру-крайм-подкастами до добра не доведет. Теперь я во всем вижу вопрос жизни и смерти, начало какой-нибудь устрашающей лажи, о которой полиция непременно скажет, что за двадцать лет безупречной службы ни с чем подобным не сталкивалась...

Во всем – но только не в *этом*. Я все-таки не героиня нового эпизода «Высеченное в кости». Об этой маленькой панической атаке не рассказывает Кит Моррисон из «NBC: Дакота».

Нет, это всего лишь моя простенькая, скучная жизнь. Я – всего лишь девушка, соскучившаяся по ванне.

Я описываю круг, исследуя периметр потолка: нет ли там других дырочек того же размера. Конечно же, ничего там нет. Проклятье. Эти две дырки проделаны ближе к середине дома. Может, их просверлили в полу чердака? Гадость! Пора унять свое воображение.

Одно мне ясно: расслабиться уже не удастся. Я с сожалением выключаю кран и спускаю из ванны воду. Завернувшись в полотенце, замираю под дырками и опасно на них таращусь, словно они могут прыгнуть на меня и искушать. Как и все, я слыхала о грехе вуайеризма. Вот только пляжный коттедж, за недолгое пребывание в котором ты отваливаешь свою месячную зарплату, – не то место, где ждешь с этим столкнуться. Так что к подглядыванию эти дырки не имеют отношения, и точка. Скорее дело в дефекте древесины. Оста-

ется в этом удостовериться – и можно будет нырнуть в горячую ванну, сказав себе, что начался мой прекрасный отпуск.

Я приказываю себе перестать дрожать и выхожу в коридор перед спальней, где рывком открываю дверцу стенового шкафа. Выдох облегчения: никто здесь не засел, никто отсюда не подглядывает. Дырок я здесь тоже не обнаруживаю. Зато нахожу в задней стенке сдвижную панель. Что за ней?

Меня опять колотит от страха.

Так ли тихо было в доме при нашем прибытии? Сейчас я даже не слышу храпа Джуда, единственный звук – журчание уходящей в сток воды. Есть и другой звук – моего учащенного дыхания.

– Джуд! – зову я. Собственный голос напоминает мне звук внезапно раздираемой занавески. – Джуд?

Проходит несколько секунд, ответа нет.

Наконец звучат шаги на лестнице. Почему у меня так пересохло во рту? Это всего лишь мой брат. Я ощущаю, что вся сжалась от страха и готова, повинувшись инстинкту, сбежать в ванную и там запереться. Если что? Если по лестнице поднимается не брат, а кто-то другой? В какой фильм ужасов я себя переместила? *Немедленно успокойся!*

Мои родители внедряются в среду бунтовщиков для спасения произведений искусства во имя сбережения исторического наследия. Но их отвага, очевидно, не передается по наследству. От вида двух дырочек в потолочном плинтусе у меня сердце выпрыгивает из грудной клетки! Мне даже страш-

нее, чем в первый день очных уроков у второклашек, целый год протомившихся в бездействии.

Какое же жалкое зрелище ты сейчас, наверное, собой являешь, Тейлор!

Если мне требовалось доказательство, что в двадцать шесть лет моя жизнь чересчур безопасна и предсказуема, то я его получила. Мельчайший сбой в привычном механизме – и моя привыкшая к рутине личность оказывается на грани распада.

Передо мной, влипшей в стену, появляется зевающая физиономия Джуда.

– Что случилось?

Я, сдерживая нервность, тычу пальцем в стенной шкаф.

– То ли у меня глюки, то ли в спальне под потолком проделаны две дырки. Вот я и думаю: вдруг там, наверху, есть потайное пространство?

Джуд окончательно просыпается.

– Думаешь, это смотровые глазки?

– А вдруг? – пишу я. – Либо это, либо у меня просто разгулялось воображение...

– Давай исключим подозрения. – Он проходит мимо меня в спальню и, уперев руки в бока, долго разглядывает дырки, прежде чем снова встретиться со мной взглядом. Вот когда мне становится по-настоящему нехорошо! Я читаю в его глазах подозрение, а не усмешку, на которую так надеялась.

– Что за хрень?..

– Вижу, ты не смеешься и не списываешь это, как я надеялась, на дефект строительства.

– Нет, но давай все взвесим, Ти. Даже если дырки проделали для подглядывания, сейчас там никто этим не занимается. – Он возвращается в коридор и останавливается передо мной. Мы дружно смотрим на тесное техническое пространство над чуланом. – С другой стороны, мы оба не успокоимся, пока в этом не убедимся, так ведь?

Я провожаю стоном свои мечты о ванне, рассеивающиеся, как остывающий пар.

– Может, вызовем полицию?

Брат обдумывает мой абсолютно иррациональный вопрос. По тому, как он скребет щетину у себя на подбородке, я понимаю, что он отнесся к нему серьезно. Это одна из причин моей беззаветной любви к Джуду. Мы с ним родные брат и сестра, поэтому, естественно, всю ссорились и дрались все эти годы, но теперь мы, без всякого сомнения, одна команда. Он уже не обзывает меня психованной, а принимает меня всерьез. То, что важно мне, так же важно ему. Я всегда-всегда буду делать все, что в моих силах, чтобы облегчить ему жизнь; он поступает точно так же в отношении меня, учитывая почти постоянное отсутствие наших родителей.

– Оторву-ка я верхнюю панель и посмотрю, что за ней, – решает Джуд.

– Не нравится мне это.

Допустим, к своим двадцати трем годам Джуд вымахал до шести футов с лишком, но это не мешает ему оставаться моим младшим братишкой, поэтому меня тошнит от мысли, что он рискует схлестнуться с сумасшедшим вуайеристом.

– Нам бы какое-нибудь оружие... – бормочу я.

– Ты забыла, что я полгода учился джиу-джитсу?

– Это у тебя провал памяти: ты просто ошивался там, ждал, пока инструкторша даст от ворот поворот своему бой-френду.

– Это должно было произойти со дня на день.

– Уверена, ее поощрили ямочки у тебя на щеках.

– Тут ты права. – Он намеренно корчит кривую усмешку. – Это мое непобедимое оружие.

Я недовольно качаю головой, хотя на самом деле признательна ему: моя дрожь уже унялась.

– Значит, так. – Он негромко хлопает в ладоши. – Давай быстренько проверим, что к чему. Надеюсь, там нас не ждет банка с выдранными ногтями или что похуже...

– Например, экшн-камера. – Я прижимаюсь спиной к стене и закрываю ладонями лицо, чтобы наблюдать в щели между пальцами, как Джуд лезет в стенной шкаф, тянется вверх, сдвигает в сторону панель. Мы видим тесное, даже очень, пустое пространство. В две дырочки тут же начинает бить дневной свет, и нам не уйти от того факта, что расстояние между ними примерно равно расстоянию между человеческими глазами и что гипотетический вуайерист интересовал-

ся именно спальней. Стопроцентные глазки для подглядывания!

– Боже, какая гадость! Там что-нибудь есть? Или кто-нибудь?..

Джуд хватается за край люка и подтягивается.

– Никого и ничего. – Он разжимает пальцы и снова встает передо мной. – Там место разве что для лилипута. Или для гуттаперчевого человека. Либо мне изменяет дедукция, либо наш извращенец – гимнаст.

– А может, это маленькая женщина? – Мы с сомнением переглядываемся. – Хотя женщины обычно таким не занимаются... – Я плотнее заматываюсь в полотенце. – Какие наши следующие действия?

– Скинь мне контактную информацию владельца дома, я ему позвоню.

– Лучше я сама. Не хочу портить тебе отпуск. Ступай, спи дальше.

Спускаясь вниз по лестнице, Джуд бросает через плечо:

– Сказано тебе, Ти: скинь!

Мне почему-то не улыбается оставаться наедине с этими дырками, поэтому я прямо в полотенце тороплюсь вслед за братом вниз.

– Сейчас принесу из постирочной комнаты табурет и клейкую ленту, чтобы залепить дырки.

Он подмигивает мне.

– На тот случай, если подсматривающий – привидение?

– Ничего смешного! Когда стемнеет, такое привидение может обернуться самой что ни на есть реальностью!

– Если хочешь, можешь занять другую комнату. Я не возражаю, чтобы за мной шпионил симпатяга Каспер.

Мы со смехом спускаемся вниз и, не сговариваясь, сворачиваем в кухню, откуда ведет дверь в постирочную.

– Сейчас тебе станет еще веселее, – обещаю я ему.

– Ты опять заглядывала в мой дневник?

Я так наслаждаюсь общением с братом, что, первой открыв дверь, сначала не верю собственным глазам. Это какая-то шутка! Или передо мной большой телеэкран с застывшим кадром из документального детектива? Не верю, что вижу настоящий труп здорового мужика, засунутый между стиралкой и сушилкой, – с багровым лицом в синяках, с остекленевшими невидящими глазами, да еще с аккуратным черным отверстием от пули посередине лба... Не может этого быть! Но откуда желчь у меня во рту? Почему я вся заледенела, почему в глотке застрял крик? Нет, нет, нет!!!

– Тейлор? – озабоченно обращается ко мне Джуд и подходит ближе.

Я инстинктивно пытаюсь его оттолкнуть. Нечего моему братику смотреть на такое! Мой долг – беречь его от любых неприятностей. Но, увы, мои руки слабы, и, прежде чем я успеваю упереться и не позволить Джуду заглянуть в чертову постирочную, он уже глазеет туда вместе со мной. В следующую секунду он сам оттаскивает меня от двери с воплем:

«Что за хрень?!»

Вопль сменяется гулкой, пугающей тишиной. Ужасное зрелище никуда не делось, труп на прежнем месте, мертвее мертвого. Чем-то он мне смутно знаком, но меня трясет, я борюсь с рвотным позывом, и на эту борьбу тратятся все мои силы. *Господи, господи*, что здесь творится?! Это шутка или?..

– Ну все... – шепчу я. – Т-т-теперь, думаю, пора вызывать полицию.

Глава 2

Тейлор

Я закуталась в одеяло и тону в синеве полицейских мигалок. Такого не должно происходить в реальной жизни. Я угодила в эпизод «Высеченного в кости» и там застряла. Я ни в чем не виновата, просто напоролась на ужас во плоти. Ясное дело, о годах психиатрической помощи, которые мне теперь понадобятся, не напишут даже в сносках, сладкоголовые ведущие шоу безбожно переврут мое имя. Зато я сама никогда в жизни не забуду эту картину – жертву жестокого убийства.

Если только это не чрезвычайно правдоподобный ночной кошмар.

Но нет, вряд ли в кошмарах судмедэксперты стали бы вывозить из дома на тележке тяжелый черный мешок. Мы с Джудом наблюдаем с широко разинутыми ртами за всеми событиями прямо *с места преступления*. Как мы ни стараемся сосредоточиться на словах полицейского, расположившегося напротив нас за кофейным столиком, каждому из нас приходится по три раза повторять свои показания, хотя в них ровным счетом ничего не меняется. Прилив адреналина, сопровождавший обнаружение убитого, постепенно проходит, и теперь меня все сильнее обуревают желание бежать куда

глаза глядят.

– Это же убийство, да? – обращаюсь я главным образом к самой себе. – Не мог же он всадить самому себе пулю в лоб!

– Не мог, – соглашается полицейский сорока с небольшим лет по фамилии Райт, поразительно похожий на Джемми Фокса – настолько, что, впервые его увидев, я неприлично на него уставилась. – Такое почти невозможно.

– Получается, убийца сейчас где-то поблизости, – подхватывает Джуд. – Или убийцы. Может, прямо в соседнем доме. Полицейский вздыхает.

– И такое не исключено. Нам придется попотеть. Почти все эти дома летом сдаются. Значит, в них живут неместные. Это может быть кто угодно откуда угодно. Гость гостя гостя... Сайты по аренде жилья вроде StayInn.com могут причинять головную боль. Только, чур, без обид.

– Какие еще обиды! – машинально отзываюсь я, провожая глазами мешок с телом, исчезающий в двери. Тут я вспоминаю, что лицо убитого показалось мне знакомым. – Вспомнила: это же Оскар, владелец дома! – Я хватаю свой телефон. – Его фотография есть на страничке...

Полицейский задерживает мою руку.

– Мы уже знаем, что это владелец дома. Нам отлично известно, что он жил здесь.

К нам подходит другой полицейский и громко откашливается. Райт проглатывает язык.

Как только осторожный полицейский покидает дом, мы

с Джудом в унисон обращаемся к Райту:

– Что вы хотите этим сказать? Что значит «нам отлично известно, что он здесь жил»?

Райт озирается, вздыхает, делает вид, что чиркает в блокноте.

– С вами должен был связаться кто-то с сайта. Мы долго с ними препирались в связи со всей создавшейся ситуацией. Они не должны были вас сюда пускать.

– Погодите, вот с этого места поподробнее... – Джуд проводит ладонью по лицу, собираясь с мыслями. – О какой ситуации речь?

– Нас вызвали сюда несколько дней назад, вечером, жаловались на нарушение тишины. – Полицейский почти шепчет, и нам приходится наклониться к нему, чтобы расслышать, так близко, что я даже могу сосчитать волоски в его бородачке. – Позвонил один из соседних арендаторов и сообщил о криках и о громком треске. – Он постукивает ручкой по колену, снова озирается. – Оказалось, что этот дом сняла компания девушек и что они увидели на втором этаже смотровые глазки...

– Господи! – Я хлопаю себя ладонью по лбу. – Совсем забыла про эти глазки...

– Немудрено, – говорит Джуд и гладит меня по спине, не сводя глаз с полицейского. – То есть мы не первые нашли это небольшое бонусное удобство?

Райт качает головой.

– Девушка, увидевшая дырки, позвонила своему папаше, водителю-дальнобойщику, и тот примчался сюда рассерженный, что понятно, вот только он не стал обращаться в полицию, а велел своей дочери вызвать хозяина дома и успел здорово его взгреть, прежде чем мы нагрянули и разняли их. Девушки согласились не заявлять на владельца с тем условием, что им возместят моральный ущерб и не привлекут к ответственности папашу-дальнобойщика. Но полиция Барнстейбла поставила в известность сотрудников сайта StayInn.com, они должны были вас оповестить.

– Еще как должны были! – Мысленно я уже сочиняю суровую отповедь проштрафившейся службе, содержащую такие изысканные формулировки, как «эмоциональная травма», «юридическое содействие» и «банковский счет». – Они поймали Оскара за подглядыванием?

– Нет. – Райт медлит, а потом сообщает главное: – Но они нашли камеру на треноге.

Даже не глядя на брата, я знаю, что его гримаса отвращения идентична моей.

Мне противно от того, что в доме, где я намеревалась провести шесть дней, незаконно подглядывали за женщинами. Но это не мешает мне предложить объяснение всему дальнейшему.

– Полагаю, побои на лице Оскара – результат драки с взбешенным отцом. Но ведь убийца – не отец девушек? Оскар был еще жив при урегулировании той ситуации?

Райт пожимает плечами.

– По мнению моего заместителя, папаша не успокоился и вернулся завершить начатое. Чтобы домовладелец схлопотал по физиономии от одного подозреваемого, а потом погиб от руки другого? И все это в пределах одной недели? Нет, мы не верим в совпадения. В такие – нет.

– Так-то оно так, но только...

Что-то в этом сценарии кажется мне нескладным. В нем чувствуется какая-то нелепость. Пора мне прекратить попытки во всем наводить порядок, когда повсюду царствует хаос, но беда в том, что я не в состоянии оставлять загадки нерешенными. Правда, в моих головоломках обычно тысяч по пять элементов, а тут всего-то две дырки в плинтусе и одна – во лбу...

Пытливость натуры – единственное, что я унаследовала от родителей. От своей отваги они мне не передали ни капельки. Несколько раз они даже горевали об этом, глядя меня по руке и вымученно улыбаясь.

Она такая, наша маленькая школьная учительница... Главная ее забота – безопасность.

То ли дело Джуд: то занимается серфингом в Индонезии, то прыгает с парашютом в Монтане. Он трудится в реабилитационном центре для животных, обычно его питомцы – панды, но ему случается кормить даже львов! На одном разошедшемся по интернету видео он любезничает с одним таким котиком: они вместе валяются на траве, и мой брат

со смехом треплет львиную гриву. Когда мне сбросили на почту это видео, я чуть не грохнулась в обморок. Естественно, никому не приходит в голову советоваться со старшей сестрой Джуда об этом его опасном занятии, но с тех пор я кое-как успокоилась – вроде бы.

В общем, смелости во мне кот наплакал. Этот отпуск – одно из самых авантюрных моих предприятий за долгое время. Кликая на сайте по клавише «забронировать», я от страха жевала угол диванной подушки. Но когда я вошла в проклятую постирочную и увидела беднягу Оскара, уставившегося в пустоту, внутри у меня что-то произошло.

Вернее, не произошло ровным счетом *ничего*. Мир не рухнул, несмотря на весь ужас обстоятельств. Я просто замерла, опустив глаза. Сейчас мне уже любопытно, что *еще* мне под силу. Могу ли я помочь. Проявить смелость, по примеру родителей и Джуда или героев «Высеченного в кости», храбро посещающих места преступлений в маленьких городках и задающих хитроумные вопросы. По плечу ли такое мне? Может, я смелее, чем всегда думала?

Может, да, может, нет, но кое в чем я сильна как никто: все так тщательно обдумываю, что подохнуть легче! Чем и занимаюсь в данный момент. Просеиваю факты через мелкое сито своей логики... и нахожу в сюжете прорехи. Вероятно, это не мое дело, вероятно, мне надо бы сосредоточиться на поиске другого места для ночлега, но я ничего не могу с собой поделаться: чувствую личную ответственность, раз это я нашла

тело Оскара. Более того, как ни безумно это звучит, мое помешательство на ответственности доходит до того, что я намерена изобличить убийцу и решить головоломку. Не уверена, что смогу с честью выйти из выпавшего мне испытания, пока крышка не ляжет плотно на предназначенное ей место.

– Мистер Райт...

В следующую секунду оконные стекла содрогаются от горестного вопля:

– Нет, только не мой брат! ОСКАР? ОСКАР!

Мы с Джудом выразительно смотрим друг на друга и дружно оглядываемся на дверь. За ней женщина падает на руки санитаров из фургона «Скорой помощи» и в надрывном крике отчаянно мотает головой. На плече у полицейского Райта хрипит рация.

– У нас тут сестра потерпевшего. Может кто-нибудь направить сюда социального работника?

– О нет!.. – У меня уже щиплет кончик носа, и я машинально хватаю Джуда за руку. – Бедняжка! Она потеряла брата. Представляешь, каково ей?

Полицейский реагирует на мои слова кряхтением.

– Она почувствует себя иначе, – говорит он, – когда узнает, чем он здесь занимался.

– Наверное, смутится, – соглашается Джуд. – Но все равно будет горевать. – Он утомленно откидывается на диванные подушки. Бедный мой братишка, так ему и не удалось подремать. Моя обязанность – найти для него безопасный ночлег.

– Да уж... – соглашаюсь я с ним и спрашиваю Райта: – Вы уверены, что именно Оскар занимался подглядыванием?

После этого я опять отвлекаюсь на безутешную женщину: она, спотыкаясь, входит в дом, заглядывает, держась за стену, в гостиную и как подкошенная падает на диван слева от нас. Я с трудом сдерживаю слезы, представляя себе ее горе. Если бы я лишилась брата, то весь мир для меня перевернулся бы с ног на голову.

– Сочувствую вашей ужасной потере, – обращаюсь я к ней. Она поворачивается ко мне – и я, сама того не желая, обращаю внимание на то, что она не пролила ни слезинки.

Что ж, каждый горюет по-своему. Взять хоть Аманду Нокс¹... Никого не собираюсь осуждать, ограничусь совершенно нейтральным мысленным сравнением: ее щеки так сухи, что на них было бы выгодно кактусу.

– Не откажетесь назвать мне ваше имя, мэм? – обращается к ней полицейский.

– Лайза, Лайза Стенли. – Она косится на меня и на Джуда. – Вы кто?

– Я Тейлор Басси, это мой брат Джуд. Мы здесь остановились – то есть должны были остановиться... Приехали – и сразу нашли Оскара.

– Очень жаль, что мой покойный брат испортил вам отдых, – мрачно иронизирует она. Я уже открываю рот, что-

---

¹ Героиня документального фильма, дважды осужденная за убийство, а потом оправданная. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

бы заверить ее в том, что мои слова – вовсе не жалоба, но она спохватывается и морщится. – Ах, простите, просто я... Не хочу никого осуждать. Не могу поверить в случившееся! Говорят, его застрелили. Кто бы стал стрелять в моего брата? Он – сама доброта, у него нет ни одного врага...

Мы встречаем ее слова молчанием. Правда, Райт, похоже, прогуливал в полицейской академии уроки по покер-фейсу: того и гляди взорвется.

– В чем дело? – настораживается Лайза, выпрямляя спину.

Следует до крайности неприятный разговор: Райт ставит Лайзу в известность о стычке покойного с отцом арендаторши из-за дырок и камеры. Узнав подробности, Лайза с упрямым видом смотрит перед собой.

– Почему он не рассказал мне о побоях?

– Постеснялся, наверное, принимая во внимание обстоятельства. – Полицейский со вздохом дает нам свою визитку и встает. – Сообщите мне, если вспомните что-нибудь еще. Насчет места, где скоротать ночь: советую отель Double Tree в Хайаннисе. Там хороший бассейн.

– Благодарю. – Джуд забирает карточку и, дождавшись ухода Райта, встает. – Я позвоню в отель.

– Это необязательно, – торопливо вмешивается Лайза и в ответ на наши недоуменные взгляды вытаскивает из сумки внушительную связку ключей. – У моего брата в этом квартале еще три дома внаем. Я составляю для них график

обслуживания, проверяю, все ли в порядке, перед прибытием новых арендаторов и все такое прочее. Сюда я опоздала, иначе сама его нашла бы... — Она горестно вздыхает. — Сам он был тот еще бизнесмен, ко всему относился спустя рукава. Самый обыкновенный человек. Разносил почту, прежде чем заняться недвижимостью. Бог благоволил этому лентяю, который все перепоручал мне. Поэтому... — Она качает головой. — Поэтому все это бессмыслица. Оскар никогда не стал бы *подглядывать* за людьми.

— Точно, бессмыслица! — поддакиваю я ей по наитию.

— Тейлор!.. — шипит на меня Джуд. — Попридержи коней.

— Это же ее брат, — шепчу я ему в ответ. — Я на ее месте тоже не оставила бы неперевернутым ни один камень.

— Я тебя люблю, но, умоляю, не встревай в расследование убийства.

— Никуда я не встреваю, просто интересуюсь подробностями.

— Загляни в словарь, это и значит «встревать»!

Лайза садится напротив нас за кофейный столик, там, где до нее восседал полицейский Райт, упирается локтями себе в колени, наклоняется вперед. На таком близком расстоянии я вижу, как велико ее внешнее сходство с Оскаром. Обоим пятьдесят с небольшим, оба горбоносые, высоколобые, волосы с сединой. Вот только Лайза, скорее, миниатюрная, в отличие от ее брата...

— Великоват... — вырывается у меня. — Великоват он был,

чтобы там поместиться.

Понятно, Лайза наострила уши.

– Вы про тот закуток, где просверлены дырки?

– Именно. – Я отмахиваюсь от Джуда с его предостерегающими стенаниями. – Он бы туда даже не пролез.

– По лесенке – вполне, Ти, – нехотя вступает в разговор мой брат. – Но это чисто гипотетически, – оговаривается он, глядя на Лайзу. – Дырки легко было просверлить что с одной стороны, что с другой. В закутке ему самому нечего было делать. Установил камеру – и порядок.

– Только если он не собирался пользоваться этими дырками сам. – Я вдруг чувствую себя Оливией Бенсон из сериала «Закон и порядок». Мне не хватает только пальто, бездонных карих глаз и не отлипающего от меня хмурого напарника, красавца Стеблера. – Зачем было сверлить целых две штуки? – Я перевожу взгляд с брата на Лайзу. – А вот зачем: чтобы через них смотрел человек. Если Оскар – гипотетически – хотел просто снимать своих жильцов, то ограничился бы одним отверстием. А их два.

Джуд некоторое время смотрит, насупившись, вниз.

– А ты права! Странно все это, мягко говоря...

– Получается, что тот, кто их просверлил, так мал, что сумел там поместиться, – медленно говорит Лайза, кивая головой. – Женщина, что ли?

Все бы ничего, но почему она не плачет? Ни слезинки не пролила!

– Не исключено.

Джуд все сильнее мрачнеет. Я улавливаю его настроение по тому, как он теребит волосы у себя на макушке.

– Лучше нам позвонить в Double Tree, Тейлор. Уверен, у мисс Стенли много дел...

– Полиция уже решила, что это сделал отец последней арендаторши. – Лайза смотрит в окно, на кучку полицейских в конце подъездной аллеи. – Давайте начистоту: не станут они сбиваться с ног ради убитого, зачисленного в извращенцы. – Ее взгляд становится жестким. – Пожалуй, я не обойдусь без частного детектива. Мой близкий знакомый вырос в Бостоне, он дружен с одним бывшим детективом, ставшим «охотником за головами». Вот кто мог бы дать прикурить местным увальням и заодно снять подозрения с моего брата!

Как я погляжу, каждый из нас горюет по-своему. Я лью слезы, Лайза мстит за оболганного брата.

Мораль: я самая малодушная из всех.

– Верно, частный детектив здесь не помешал бы, – говорю я и, сжавившись над Джудом, встаю и сбрасываю с плеч одеяло. – Поверьте, Лайза, я искренне сочувствую вашей утрате. – Я протягиваю ей руку. – Жаль, что мы познакомились при таких грустных обстоятельствах.

Она неуклюже обнимает меня.

– Спасибо, что не отнимаете у меня надежду, Тейлор. Не хочу, чтобы он остался в памяти людей каким-то уродом. Обязательно выясню, что произошло на самом деле. – Она

сует мне в ладонь что-то железное, твердое – связку ключей. – Это совсем рядом. Дом шестьдесят два. Я настаиваю.

Я пытаюсь вернуть ей ключи.

– Благодарю, но мы как-то не...

– Вы уверены? – Она приподнимает брови. – Там ванна на лапах.

На лбу у меня выгравирован мой пунктик, что ли?

– Неужели?.. – выдыхаю я.

Джуд на секунду опускает голову, потом нехотя поднимает наши чемоданы.

– Номер шестьдесят два, говорите?

Прежде чем выйти, я задерживаюсь у пристенного столика.

Читая отзывы об этом доме, я обратила внимание на фотографии с гостевой книгой. Пусть таких, как я, дразнят «ботаниками» – все равно я мечтала оставить в этой книге свой отзыв для будущих гостей. На полях, рядом со своим отзывом, я бы нарисовала кальмара...

И верно, на столике красуется книга в кожаном белом переплете, с золотым буквенным тиснением. Называется «Впечатления гостей». Не знаю, что заставляет меня схватить книгу и незаметно засунуть в сумку, к дезинфицирующим салфеткам и солнечным очкам. Джуд укоризненно качает головой. Я сама удивлена последовательностью своих действий после обнаружения трупа. Даже подумать страшно, что еще я способна выкинуть! Лишь только замаячила перспектива

раскрыть страшную загадку, как я исполнилась рвения. Наверное, играет роль сомнение, что полиция станет расследовать это убийство, не довольствуясь первоначальной версией. Не знала, что обладаю *шестым* чувством!

Чем бы ни объяснялось внезапное похищение ценной улики, я непременно верну ее уже завтра, когда исследую. Велика важность!

Глава 3

Майлз

Я слезаю с мотоцикла и закидываю себе в рот таблетку антацида.

В этот солнечный четверг Кейп-Код мил как никогда. Аж с души воротит, насколько мил.

Судя по табличкам на всех дверях, между жизнью и пляжем здесь стоит знак равенства. Пляжная жизнь – что может быть лучше? Жизнь на пляже лучше жизни где-либо еще. Лично я, правда, диву даюсь. Откуда у людей такое пристрастие к песку? Мне уже хочется умчаться куда подальше. Я уже от многого на свете отказался, но сейчас препятствием гнать куда глаза глядят служит Пол, мой друг. Не смог отказать своей подруге, подумать только! Однажды, когда я расколотил витражное окно церкви молодецким броском мяча, Пол меня не выдал. Поэтому сейчас я здесь. Я его должник, мы вместе выросли в Бостоне. Заплачу должок – а потом только меня и видели!

Моя задача – в порядке возврата долга – найти истинного убийцу Оскара Стенли.

В моей работе «охотника за головами» такое происходит сплошь и рядом. Семья правонарушителя все отрицает. Сын нарушил условия досрочного освобождения, но по похваль-

ной причине – намерен сойти со скользкой дорожки. Дочь в бегах, но только потому, что предъявленное ей обвинение в сбыте наркотиков ложное, а ей никто не верит. Слыхал, не морочьте голову, в одно ухо влетело, в другое вылетело – как всегда. Моя работа – доставить нарушителя закона к двери полицейского участка и удалиться, посвистывая, с чеком в кармане. Вся остальная волокита и бюрократия – не мое дело.

Это дельце, правда, отличается от других: за него мне оплата не светит. Речь не идет о поимке беглого преступника. Никто не снабдил меня именем-фамилией, фотографией, историей судимостей. Все, что у меня есть, это здоровенный знак вопроса и намерение отплатить за давнюю услугу. Правда, услышав от Пола про этого Оскара Стенли, получившего по заслугам за подглядывание, а потом и вовсе пущенного в расход, я в кои-то веки склонен согласиться с версией местных полицейских. Папаша девицы вернулся и поставил точку. Мне потребуется день-два, чтобы окончательно это доказать – и облегченно перевести дух: дружеский долг исполнен, и я свободен!

По пути сюда, на Кориандер-лейн, я заехал к Лайзе Стенли за ключами. Говоря технически, это место преступления с желтой ленточкой перед дверью, но подчинение правилам – не мой конек. Никогда им не подчинялся. Потому и был неважным детективом, а уж мужем и вовсе никудышным. Может, и хранил верность, но когда забываешь про ту часть

свадебной клятвы, где обещал «заботиться», все остальное катится к чертям.

С пляжа несутся смех и завывания Тома Петти. В небе кувыркается полосатый, как пчела, воздушный змей. Ветер приносит сильный запах хот-догов и бургеров. Сюда приезжают отдыхать целыми семьями. Люди ищут счастья.

А мне не терпится отсюда смотаться.

Я подбрасываю и ловлю ключи, шагая через улицу. Вот и дом с продиктованным мне номером. Здесь, как мне сообщили, произошло убийство. Фотографий с места преступления я не видел, зато располагаю описанием потерпевшего и не представляю, как убийца тащил через дом убитого с таким мощным телосложением. И главное, зачем ему было упрощать поиск тела? Нет, преступление, без сомнения, совершено в состоянии аффекта.

Поскорее бы с этим покончить.

Дойдя до середины улицы, я чувствую спиной чужой взгляд. Не спеша оглядываюсь через плечо и вижу молодую русую женщину лет двадцати пяти, поливающую цветок в горшке на крыльце одного из домов. Хотя «поливающую» – громко сказано: вода льется из лейки мимо горшка, прямо на крыльцо, частично – на ее голые икры, а она почему-то этого не замечает.

– Вам помочь? – резко обращаюсь я к ней.

Она с грохотом роняет лейку, разворачивается и врезается головой в закрытую дверь. Даже с расстояния ста ярдов

видно, как у нее из глаз сыплются искры. *Вот зачем я к ней полез?*

Я достаю из кармана джинсов очередную таблетку антацида, забрасываю ее себе в рот и завершаю свое мерное шествие через улицу, чтобы сорвать и бросить на землю желтую ленточку. Уже занеся над порогом ногу, я слышу за спиной шаги – легкие, совсем девчоночьи. В стекле защитной двери отражается шумная соседка. Меня вдруг разбирает злость.

– Хотите вызвать копов? – Я грозно оборачиваюсь к ней. – Будьте моей...

Странное дело: в следующую секунду я забываю, что собирался сказать.

Раньше со мной такого не случалось. Обычно каждое мое слово нагружено целью и смыслом, и слушатель сразу улавливает, что в его интересах будет напрячь слух. Но сейчас мне невдомек, зачем я собирался ее облаять. Человек только что врезался лбом в дверь и испытывает боль. К тому же у нее забрызганы водой ноги, а главное, она...

Факты в студию: она чудо как хороша!

У меня правило: не смотреть на миловидную женщину дважды. Все миловидное мне противопоказано. Представьте трактор, восхитившийся одуванчиком: ну куда такое годится? Просто посмотреть – куда ни шло, но назначение тракторов – скашивать одуванчики. Мне ни к чему обращать внимание на веснушки, засыпавшие ее нос и хлынувшие с подбородка и щек на шею и на грудь, стиснутую розовым вер-

хом от бикини. Один лишь цвет этой вещицы заставляет меня стыдливо отвести взгляд. Но при этом я не стыжусь мыслить про то, как удобно улеглись бы ее груди в мои ладони... И все прочее: что бедра, что колени. Как было бы приятно обхватить ее лицо.

Затылком она едва достает мне до подбородка. Боже. Что со мной творится?

Я откашливаюсь.

– Я говорю, хочешь вызвать копов, Дюймовочка? Валяй! Они знают, что я здесь.

– Дюймовочка?! – возмущенно повторяет она и убирает со лба за ухо прядь волос, как будто нарочно, чтобы я увидел, какие у нее зеленые-презеленые глаза. Чтоб мне было пусто!.. – Да будет вам известно, на работе я самая рослая.

– Вы работаете одна или воспитательницей в детском саду.

Она немного колеблется, переступает с ноги на ногу.

– А вот и нет.

Я подмигиваю, она полна негодования.

– Я никогда не ошибаюсь.

Мне кажется или она краснеет, начиная с шеи? Боже, она лет на восемь-девять моложе меня, ей примерно двадцать пять против моих тридцати пяти. Разве мне пристало подмечать то местечко, где у нее врежется в плечо – совсем несильно – лямка лифчика? И я могу думать о том, как просунуть под эту лямку палец и приспустить ее? Развернуть

эту Дюймовочку, как подарок к дню рождения? Да ни за что на свете!

Так, мне нужен секс! Это стало очевидно только сейчас, когда я вдруг возжелал незнакомку в сердце Города-Отпусков-из-Среднего-Класса и стал воображать, как смотрелись бы на ярком солнце ее соски, блестящие от моей слюны... Скорее всего, она замужем: незамужние девушки ее возраста не проводят отпуск в Кейп-Код. Провинстаун – еще туда-сюда, как и «семейная» часть Фалмута. Но где тогда ее обручальное кольцо?

Она замечает мой взгляд. *Проклятье!*

Она меняет позу, роняет руки, опять переминается на месте, перекидывает за плечо волосы. Похоже, только сейчас, в эту самую секунду, она осознала, что я мужчина и что она подошла ко мне практически в бюстгальтере и в обрезанных по самое не могу – так, что видны края трусиков – джинсовых шортах. А еще, что она вызвала у меня интерес, заставила гадать, ждет ли ее мужчина в том сахарном домике с вырезанными на ставнях сердечками. То, что она все это сообщила, легко читается на ее ошеломительной мордашке.

Отлично, начали с красоты, дошли до ошеломления.

Конечно, она замужем, балбес! Сделай свое дело и проваливай.

– Продолжайте поливать цветочки. Я занят.

– Знаю. Просто я... – Она не сразу находит, куда девать руки, и наконец упирает их себе в бока. – Мне интересно,

какие у вас версии.

– Я только что приехал. – Я киваю в сторону своего мотоцикла. – Вы же видели, как я подкатил?

– Да, я обратила внимание на этот ваш гроб на колесах. Но должны же у вас быть какие-то... материалы дела? Предварительные мысли?

Я прищуриваю глаза в уверенности, что она струсит и отпрянет, как происходит с любым, кому не посчастливится удостоиться этого моего испепеляющего взгляда.

– Дело ваше. Хотите скрытничать – скрытничайте, мистер...

– Мое имя вам без надобности.

Состояние неуверенности – или разочарования – длится у нее от силы секунду. Потом она пожимает плечами.

– Я подумала, вдруг вы захотите со мной поговорить... – Строгий взгляд напоследок, разворот – и вот она уже уходит. – Все-таки это я нашла тело.

– Ну-ка, вернитесь.

– Даже не подумаю.

– Дюймовочка!

– У меня есть имя.

– Вернитесь и представьтесь.

Не пойму, что со мной: я ловлю себя на том, что догоняю эту молодую женщину, наверняка замужнюю, какого-нибудь Картера или Престона из домика на другой стороне улицы. Мое место сейчас – в доме, где произошло убийство, мне по-

ложено делать там фотографии, искать брызги крови и недостающие улики. Откуда у меня настойчивое желание узнать, как зовут эту женщину? Как ослик за морковкой, я тащусь за ее задницей, отдавая должное ее грации. *Совсем сбрендил!*

Она слегка замедляет шаг, и я едва не сношу ее с ног – так трактор подминает одуванчик. Мы останавливаемся лицом к лицу, но штука в том, что я на десяток дюймов выше ее, так что ей приходится задирать голову и морщиться от солнца. У меня екает в груди – ох, до чего же я не люблю это ощущение!

– Так это вы нашли тело, – говорю я, изо всех сил изображая профессионала, коим и являюсь.

Сделал свое дело – и ищи-свищи. Никакой вовлеченности. Таково мое кредо. Таков я сам.

Она останавливает взгляд на моих губах – ненадолго, но и этого достаточно, чтобы мне показалось, что я надел трусы на пару размеров меньше положенного.

– Ух...

Почему при мысли о ней я потею как подросток, несмотря на соседство мертвеца? Причем довольно свежего. Это зрелище не для нее. Видеть такое ни к чему женщине, поливающей цветочки и стучающейся лбом о дверь.

– Лучше скажите, что незамедлительно покинули дом. Вдруг там оставался убийца?

– Нет. – Она морщит носик. – Мы не спешили уйти.

«Мы», значит... Я хмыкаю – при приступе изжоги лучше

не пытаться разглагольствовать. Есть у меня этот изъян – изжога, причина дурного нрава. Или наоборот.

– Вы с мужем?

– Мы с братом.

Куда подевалась изжога? Этот прихотливый недуг накачивается и отступает, как волны в море.

– Так вы здесь с братом. – Мне хочется услышать подтверждение, и я глушу облегчение кряхтением.

Она серьезно кивает.

– Личность нашедшего тело – информация первостепенной важности. Она должна фигурировать в деле.

Я отчаянно борюсь с желанием улыбнуться. Не иначе у меня нелады с головой.

– Мы не называем это «делом», Дюймовочка.

Она наклоняет голову набок – признак любопытства.

– Как же вы это называете?

– Старомодно и скучно: «заметки». Сама работа обещает быть такой же: скучной и скоротечной. Начать и кончить. Чувак подглядывал за компанией девчонок и был изобличен. Папаша психанул. Препирательства, перерастающие в рукопашную, приводят к смертельному исходу чаще, чем принято думать. Либо один уступает и жаждет мести, либо другой не желает давать спуску. Так и здесь.

– Вас наняла Лайза Стенли, сестра Оскара?

– Технически – да, но я оказываю услугу ее бойфренду.

– Вы с ней беседовали? Она говорила вам об обстоятель-

ствах вокруг версии со смотровыми глазками?

Я презрительно фыркаю.

– Так вы – сыщица-любительница? Насмотрелись сенсационных документалок на Нетфликсе и возомнили себя почетным бойцом сил правопорядка?

– Вообще-то я предпочитаю подкасты...

Теперь мой стон слышит вся улица.

– ...но это не важно. Мне всегда нравилось все раскладывать по полочкам. Например, я вижу на вашей рубашке ниточку, и у меня руки чешутся ее оторвать. – Она манит меня к себе, и я подчиняюсь, подпускаю ее к ниточке, а на самом деле позволяю ей меня трогать. – Зачем две дырки, если целью было снимать постояльцев на камеру? Хватило бы одной. Нет, в какой-то момент некто подглядывал собственными глазами. Но это никак не мог быть Оскар Стенли: он просто не поместился бы в такой тесноте.

– А как насчет сначала просверлить дырки и только потом сообразить, что просчитался и не поместится? – Она кусает губу и молча ждет продолжения. – У поведения человека не всегда есть логика или причина. Люди сплошь и рядом совершают ошибки. Взять хоть меня: угораздило же меня согласиться на эту работу!

И я делаю ладонью жест, означающий «ступай себе». Серьезно, мне хочется, чтобы она спряталась в своем шаблонном отпускном домике на другой стороне улицы и больше не покушалась на мое спокойствие. Зачем мне обращать

внимание на ее особенности? Зачем мне знать о родинке у нее над пупком? Зачем слушать, как она втягивает воздух, прежде чем начать говорить? Зачем вдыхать исходящий от нее яблочный аромат?

– Марш домой! Я сам со всем этим разберусь. Говорю же, это не займет много времени.

Еще немного постояв, она кивает и начинает от меня пятиться. Как оказалось, она успела изъять у меня желудок и теперь тянет его за собой, оставляя меня с бессмысленным ощущением потери. *Нет, наплевать и забыть!*

– Ладно, – бормочет она, поправляя бретельку своего бикини. – Если вам понадобится гостевая книга, я прихватила ее с собой.

– Угу, – отзываюсь я и уже отворачиваюсь, как вдруг до меня доходит услышанное. – Секунду... Вы забрали из дома гостевую книгу?

Она идет себе, сексуально так виляя попкой.

– Дайте знать, если вдруг понадоблюсь.

– Нельзя забирать улики с места преступления!

– Что вы сказали? – Она загибает себе ухо. – Эта желтая лента так шуршит, что я не расслышала.

– Не умничайте, – ворчу я. – Вы имеете дело с профессионалом.

Подойдя к своему крыльцу, она соблазнительно выгибает бедро.

– Нам обоим нельзя забирать улики, мы же не полицей-

ские. По словам Лайзы, вы охотник за головами, так ведь? А я – учительница у второклашек.

Учительница у второклашек! Я почти не ошибся насчет того, почему она на своем месте самая рослая.

Судя по неохотной улыбке, она угадывает мои мысли. Я не успеваю взять себя в руки и отвечаю тем же – улыбкой.

Между прочим, такая реакция мне совершенно не свойственна. Чтобы исправиться, я стремительно мечу в нее шар:

– Дайте гостевую книгу мне, Дюймовочка.

Она беззаботно вспархивает на крыльцо.

– Дам, но с условием: вы будете сообщать мне обо всем, что выведаете, – говорит она через плечо.

Пора взглянуть в лицо фактам. Я – здоровенный грозный детина, но эта веснушчатая училка совершенно меня не боится.

– ДАЖЕ НЕ МЕЧТАЙТЕ! – кричу я в ответ.

Она машет мне одним мизинчиком и захлопывает за собой дверь.

Ее исчезновение сродни наступлению мрака, когда солнце прячется за тучу, и то, что я так на это реагирую, повергает меня в уныние. Наше знакомство продлилось всего минут десять. Она сознательно утаивает нечто, способное облегчить мой труд. А главное, она – женщина не в моем вкусе. Совершенно не в моем! Бывает, я привожу к себе домой женщину подходящего возраста, обычно разведенную, как я, и разделяющую мое презрение ко всяческой ро-

мантике, к настоящей любви, к счастью до гроба. Дисней успешно впаривает эту чушь девочкам с самой колыбели, так что мужчинам всю жизнь приходится с этим считаться. Но только не мне, покорно благодарю! Мне достаточно глянуть на женщину одним глазком, чтобы угадать ее непомерные ожидания. Дарить ей цветы? Какое там, здесь пришлось бы высадить целый сад и вплыть туда с ней в танце, при свете звезд. Она из тех, кто мечтает о замужестве, – гарантией этого служит то, что она отдыхает в Кейп-Код, а не на побережье Нью-Джерси и не во Флориде. С ней не получится покувыркаться ночью на сене, а жаль, мне подавай именно это.

Ничто другое меня не интересует.

Изо всех сил гоня прочь мысли о зеленоглазой угрозе, я пинком распахиваю дверь и вваливаюсь в дом. Здесь пахнет гнилью, но не так сильно, чтобы зажать нос. Симпатичное местечко, в таком не придет в голову искать глазки для подглядывания и скрытые видеокамеры. Первым делом я направляюсь в постирочную, включив на смартфоне камеру. Судя по следам крови на стене и по черной луже с ошметками плоти на полу, убийство произошло здесь. Преступник вошел бы, скорее всего, в заднюю дверь дома, и я двигаюсь туда же. Замок цел, но это ничего не значит: ко времени убийства он мог быть отперт, и тогда во взломе не было необходимости.

Я поднимаюсь в хозяйскую спальню, где сержусь на себя

за то, что кошусь на кровать, в которой она собиралась спать. Она бы в ней утонула!

Другое дело, если бы мы с ней спали здесь вдвоем...

При одной этой мысли меня окатывает волна возбуждения. Мы вместе в постели, вернее, она сидит на мне верхом, я бы не стал располагаться сверху из опасения нанести ей телесные повреждения... Надо ведь учитывать разницу в росте и в размерах... Я в постели вовсе не ласковый теленок, а она... Ласка – это как раз то, что ей нужно, верно?

– От меня она этого не дождется, – бормочу я себе под нос и скребу в затылке. Спрашивается, чего мне неймется? Откуда эта нервозность? Вероятно, мне просто требуется украденная кое-кем улика. Какая дерзость – умыкнуть улику прямо из-под носа у копов!

На первый взгляд она – сама невинность, но в действительности она чертовка с бунтарской жилкой.

Выбрось это из головы, не гадай, куда заведет ее эта жилка.

– Она не в моем вкусе! – напоминаю я себе и поднимаю телефон, чтобы сфотографировать чертовы дырки. Но мой палец застывает над кнопкой, я задираю голову и подбираюсь ближе к отверстиям.

Текстура древесины по краям обоих дырок указывает вовне, в направлении спальни. А это значит, что эти дырки просверлили сверху вниз, из тесного потайного места.

– Что за чертовщина?!

Оскар Стенли был здоровенный малый. Ему пришлось бы изрядно постараться, чтобы изловчиться и просверлить такие дырки, не находясь на техническом этаже. И все тот же вопрос: зачем сверлить целых две дырки, если не собираешься через них подглядывать?

Я еще не готов отбросить банальную версию, что Оскар Стенли был вуайеристом, подглядывавшим за своими жильцами, но текстура древесины заставляет ставить ее под сомнение. Как ни велико мое желание разделаться с этой работой поскорее, мне претит оставлять вопросы без ответа и закрывать дело, ткнув пальцем в неправильного подозреваемого только из соображений удобства.

По словам Пола, копы уже толковали со вспыльчивым папашей, Джаддом Форрестером. Тот отрицает, что стрелял в Оскара Стенли, и признается только в драке с ним несколькими днями раньше. Я должен сам с ним поговорить. Чтобы решить, правду он говорит или лжет.

Кроме того...

У кого еще был – или есть – доступ сюда?

– Откуда мне это знать? – беседую я сам с собой, спускаясь по лестнице. – У меня же нет чертовой гостевой книги!

Выхожу наружу – и вижу *ее*. Она наблюдает за мной из окна своего домика, закусив губу. Встретившись со мной взглядом, она шарахается от окна, но я успеваю покачать головой и поманить ее пальцем. Теперь ее очередь отрицательно качать головой. Я перехожу улицу, поднимаюсь на ее крыльцо,

стучу в дверь.

– Вы будете держать меня в курсе? – осведомляется она через дверь.

– Нет.

– А мне бы так хотелось...

– Сказано, нет.

– Очень прошу!

В подтверждение своей непреклонности я готов вышибить дверь, но ее мольба заставляет меня замереть. С какой стати? Какие-то два словечка – но она так их произносит, что меня прошибает пот. Кто посмеет отказать этой женщине? Особенно когда она просит полным надежды и одновременно повелительным голосом. Талдычить «нет» – значит ее разочаровать. Я и так слышу, как убывает ее оптимизм, а это... нехорошо. Разочаровать ее – все равно что наесться битого стекла. Способен ли я ответить «да», лишь бы сделать ей приятно? Сам не знаю. Но на противоположное определенно не способен.

– Зачем? – Я складываю руки на груди. – Почему вам это так важно?

Секунда-другая – и дверь медленно приоткрывается. В щели появляется ее личико, и мне совершенно не по нраву, как расширяется, а потом стискивает мне сердце грудная клетка. Учащенное сердцебиение мне тоже не по нраву. Черт, какая красивая женщина! Такая нежная, из тех, в чьем присутствии так и тянет геройствовать.

Но это, естественно, касается других, а не меня.

Она озирается через плечо – ищет брата? Снова повернувшись ко мне, она говорит неуверенным шепотом, заставляя меня наклониться, чтобы расслышать. Заодно я считаю золотые блестки на ее зеленой радужке.

– Я не отличаюсь храбростью, – тихо говорит она. – Но разумности мне не занимать, и я всегда забочусь о безопасности. При виде мертвеца я не спрятала голову в песок, а сохранила спокойствие и вызвала полицию. Нашла для нас с Джудом одеяла, дала подробные показания детективу Райту. Я не готовилась к ситуации вроде этой, думала, что разревусь, буду задыхаться, умру от страха. И уж точно похватаю вещи и сбегу домой. Но ничего этого не произошло. Сама себе удивляюсь. Теперь мне хочется как-то помочь расследованию. – Она моргает, темная бахрома ресниц медленно поднимается и опускается. – Вы видите в этом смысл, охотник за головами?

Она все еще не знает моего имени. *Так держать!*

Это потому, что меня подмывает спросить, не нужно ли ей одеяло *прямо сейчас*? Если бы она произнесла мое имя, я бы совсем пропал. Почему-то я уверен в этом так же твердо, как в том, что мне подвластны потроха любого «Харли-Дэвидсона». Врать не буду, ее объяснение пробило в моем животе дыру, через которую уже улетучилось все мое раздражение. Было – и нету. Что меня занимает, так это то, кто ей наплел, что она трусиха. Охотно прикончил бы этого лгуна!

– Как я ни старался вас напугать, вы не дрогнули... – говорю, вернее, кашляю в кулак я, озираясь. – По мне, это настоящая храбрость.

Снова на нее глянув, я убеждаюсь, что она мне улыбается.

И это не вынужденная гримаса, а широкая улыбка от всей души. Для меня это равносильно хуку в челюсть.

– Ух ты...

– Вы совсем не страшный, – заверяет она меня, вся сияя.

– Нет, *страшный*! – не соглашаюсь я, потому что сейчас это совершенно необходимо. Мной руководит инстинкт самосохранения. Сам себя не узнаю! Что со мной стряслось за последние полчаса?

– С кем ты разговариваешь, Тейлор? – Задавший этот вопрос мужчина появляется у нее за спиной. Он трет кулаком глаза и зевает во весь рот. Разлепив глаза и обнаружив в дверном проеме меня, он пятится и давится ругательством.

– Чтоб меня!.. Господи Иисусе!

– Видите?! – Мне трудно выбрать между удовлетворением и смущением – плохо знакомой мне эмоцией. Я всегда отказывал ей в праве на существование. Но теперь, когда до этой женщины доходит, что я чудовище, а она красавица, я вынужден пересмотреть и эту свою привычку.

Она, впрочем, продолжает улыбаться.

– Хотите войти и полистать гостевую книгу? – Она распакивает дверь. – Я только что сделала лимонад.

Мне не нравится, что я с такой скоростью изменяю себе,

поэтому с нажимом отвечаю:

– Я похож на любителя лимонада? – Я захожу в дом, и они оба – она и ее брат, кажется, она назвала его Джудом – шараются от меня как от чумы. Братец покровительственно загораживает сестрицу. – Вот от пива не откажусь.

– Конечно, – говорит Тейлор и толкает брата локтем под ребра. – Он согласен принять нашу помощь в расследовании убийства!

– Я этого не говорил...

Но она уже шмыгает в кухню.

Боже, во что я влип?

Глава 4

Тейлор

Я вручаю охотнику за головами затребованную бутылку пива. При виде этикетки он корчит гримасу.

– Не обессудьте. – Я сажусь напротив него в гостиной. – Другого не держим.

– Пиво со вкусом персика... – Он крутит бутылку, читает информацию о питательных свойствах с таким видом, словно мы его разыгрываем. Войдя, «охотник» перестал на меня глазеть, что дает возможность изучить его мне самой. Если судить по внешности, он принадлежит к преступному дну общества. Даже если игнорировать не сходящую с его физиономии злодейскую ухмылку, то не позволяют ошибиться его длинные нечесанные лохмы, третьесортные татуировки, шрамы на костяшках пальцев и на шее.

А уж облачение... Заляпанное чем-то весьма подозрительным башмаки, джинсы, давно не стиранная черная футболка – правильное было бы немедленно предать ее огню. И в довершение всего – потрескавшиеся кожаные манжеты мотоциклиста.

Этот тонущий в мягких подушках белого дивана гигант – не меньше шести футов пяти дюймов роста, – неприязненно нюхающий пиво с персиковым ароматом, выглядит здесь

до смешного неуместно. Его место – бильярдная за придорожным баром, с такого станется где угодно затеять потасовку и учинить переполох. Ему очень неуютно в гостиной с морским дизайном, в окружении изящных безделушек и подушечек в наволочках с вышитыми миниатюрными штурвалами.

В сущности, он не должен вызывать ничего, кроме ужаса.

Что ж, допустим. Но многое указывает на то, что на самом деле он совсем не страшный.

По крайней мере, *для меня*. Все остальные пускай трепещут – с полным на то основанием.

Услышав, что я нашла мертвеца, охотник за головами сам сделался мертвенно-бледным. Я даже испугалась, что его стошнит прямо посреди улицы. На секунду-другую он перестал корчить свою пугающую рожу и исполнился заботливости.

Лучше скажите, что незамедлительно покинули дом. Вдруг там оставался убийца?

Он тревожился за меня. Вот это неожиданность, греющая душу!

К тому же было бы досадным упущением не принять во внимание его улыбку.

Там, на улице, когда выяснилось, что он не ошибся и я действительно учительница, мы друг другу улыбнулись. Воспоминание об этом повергает меня в панику. Улыбка делает его красавчиком. Его прямые белые зубы созданы для пере-

кусывания кожаных ремней и дробления камней, тем не менее, улыбаясь, он становится привлекательным. По-своему, конечно. Далеко не в классическом стиле. Он – противоположность мужчинам, обычно назначающим мне свидание, – аккуратным бизнесменам с безупречными ногтями, уверенно карабкающимся вверх по корпоративной лестнице. Они ищут спутницу жизни, чтобы приобрести в паре с ней дом, завести детей. Так и написано черным по белому в их профилях на сайтах знакомств: «только для серьезных отношений».

Сомневаюсь, чтобы этот охотник за головами наведывался на сайты знакомств. Если бы там появилась его фотография, то только с хамски выставленным средним пальцем...

На такого клюнула бы всякая правильная женщина – любительница риска, готовая мчаться по шоссе, взгромоздившись на заднее сиденье его мотоцикла и... дальше у меня тормозит фантазия. Пожирать свежевывловленных моллюсков в потайном подвальчике, известном только местным знаатокам? Что-то в этом роде...

Местом моего последнего свидания было, кстати, заведение под названием «Фабрика чизкейков».

Я не отдаю себе отчета, что очень хмуро гляжу на охотника за головами, пока он не приподнимает бровь.

– Вы бывали на «Фабрике чизкейков»? – выпаливаю я.

– Не понял.

– Так я и знала. – Я насильно возвращаю себя к прият-

ным мыслям и жестом прошу Джуда сесть. Тот застрял между кухней и гостиной и, похоже, раздумывает, не вызвать ли полицию.

– Ну что, готовы поделиться первыми впечатлениями с места преступления?

Охотник ставит персиковое пиво на многострадальный кофейный столик и пальцем отодвигает оскорбительный напиток в сторону.

– Не готов, Дюймовочка. Не готов и не стану. – Он откашливается. – Технически вы оба остаетесь подозреваемыми, пока я не передумаю. Поэтому сообщать вам подробности было бы неразумно.

– Подозреваемыми? – Я не верю своим ушам. – У нас же алиби! В момент убийства нас даже не было в Кейп-Код!

– Откуда взялось ваше алиби, когда еще не установлено время убийства?

Я ошеломленно умолкаю. Надо было внимательнее отнестись к «Высеченному в кости». Зря я отвлекалась на планы уроков, из-за этого оказались пропущены некоторые уроки куда большей важности.

– Полагаю, мое умозаключение опирается на запах разложения.

– Там видно будет. Полиция Барнстейбла изучит фотографии с дорожного пункта оплаты за мили и выяснит, не прибыли ли вы раньше. – Охотник за головами вертит головой. – Так где гостевая книга?

Он меня потряс, назвав нас с братом подозреваемыми, и теперь я намерена с ним по квитаться. Его тоже ждет потрясение. Пусть знает, что имеет дело не с каким-то жалким созданием, подсевшим на детективные подкасты. Я не кто-нибудь, а учитель в эру пандемии! Я для всего гожусь, даже для президентской кампании! Набравшись уверенности, я выпрямляю спину.

– Вот скажите, вы обратили внимание на текстуру древесины в отверстиях?

Он вскидывает голову. Еще бы, как ему такое пропустить! Он со смесью раздражения и любопытства сверлит меня глазами, позволяя мне разглядеть, какого они цвета. Мшисто-карие! Почему-то эта цветовая гамма настолько мне приятна, что я не могу отвести взгляд.

– Вы возвращались туда после того, как нашли тело?

– Как она могла туда вернуться? Там все огорожено лентой, – говорит, позевывая, Джуд.

– Я натянула ее так же, как она была натянута до того, – объясняю я, надеясь, что жизнерадостный тон сделает мое правонарушение менее вопиющим. – Другие так не поступают.

Джуд с сонным видом упирается плечом в стену.

– Ты ходила туда тайком от меня? *Одна?* – Он смотрит на меня со смесью недоумения и испуга. – Это на тебя не похоже, Ти.

Я чувствую раздражение.

– Знаю!

Теперь они оба смотрят на меня, как на букашку под микроскопом. Мой братишка прав: я не такая. Нравятся мне загадки? Еще как! Обожаю находить решение спорам. Терпеть не могу вопросы без ответа. Но сейчас у нас не настольная игра, а я не из тех, кто прокрадывается без спроса на место преступления. Я сказала охотнику за головами чистую правду. При виде трупа Оскара Стенли я вдруг превратилась в другого человека: чувствуя несвойственное мне спокойствие, я стала действовать, потребляя как горючее неиссякаемый адреналин. Я начеку, я замечаю мельчайшие детали. Очень не хочется расставаться с этим состоянием. Прилив уверенности в себе наделил меня небывалой стойкостью.

Не исключено, что это ненадолго. Не исключено, что моя смелость напускная. Очень хочется в себе разобраться!

– Прости, Джуд, в следующий раз я поставлю тебя в известность.

Брат таращится на меня не мигая веселыми блестящими глазами.

– В следующий раз?

– Не будет никакого следующего раза, – басит безжалостный кайфолом, он же охотник за головами. – Отдайте мне гостевую книгу и я уйду.

Я игнорирую его и продолжаю незавершенный разговор с братом:

– Обещаю, это не помешает нашему отпуску. Я хочу, что-

бы ты вернулся домой отдохнувшим.

– Отдых нужен нам обоим, а не мне одному, – ласково напоминает Джуд.

– Знаю, но тут уж ничего не поделаешь.

– Да уж...

Мы умолкаем. Охотник за головами хмуро нас разглядывает.

– У вас свой кодовый язык, что ли?

Джуд усмехается.

– Может так показаться. – Джуд отделяется от стены, садится на диван в противоположном от охотника углу и кладет ногу на ногу. – Сестра потратила на этот отпуск львиную долю своих сбережений – надо сказать, вопреки моим возражениям, – потому что я лишился близкого существа.

Наш угрюмый собеседник шевелит плечами – надо понимать, это заменяет ему слова сочувствия.

– Мне жаль.

Выдавливая эти два слова, он морщится, как от тухлятины во рту.

– Все в порядке, годы берут свое. – Джуд с горестным вздохом опускает глаза. – Бартоломью дотянул до двадцати двух.

Охотник за головами еще сильнее морщит лоб.

– До двадцати двух?..

– Барт – это панда. Я ухаживаю за пандами.

– И не только, – вмешиваюсь я. Вопреки моим старания-

ми не смутить Джуда в моем голосе слышна гордость. Я вообще раз за разом его смущаю. Когда на праздновании выпуска из колледжа назвали его имя, я запрыгнула на стул и заорала громче всех. Так расчувствовалась, что повалила на пол тубаиста и, спрыгивая, вывихнула лодыжку. Отсюда мораль: не взгромождайтесь на дешевый пластиковый стул, если вы на высоких каблуках. – В приют, где работает Джуд, привозят осиротевших панд. Некоторые еще малыши, не научившиеся выживать самостоятельно. Джуд одевается пандой и учит их жизни.

– Вы одеваетесь пандой?!

– Да, чтобы учить их добывать корм, есть, лазить, общаться с другими пандами. – Джуд подмигивает. – Мне очень идет шкура панды.

– Бартоломью был им всем, как папа. – Я промокаю глаза. – Сварливый вроде вас, охотник за головами, но после того, как Джуд показывал им что к чему, он становился снисходительным.

– Не хочется вас огорчать, но здесь такой сентиментальной ерунды не произойдет. – От отчаяния наш гость готов, кажется, смириться и глотнуть персикового пива. – Я – охотник за головами, а вы – самые странные люди, каких мне доводилось встречать. – Немного помолчав, он задает Джуду вопрос: – Вы и листья едите?

– Жую, но не глотаю, – отвечает Джуд с ухмылкой.

Охотник за головами обдумывает услышанное, потом ты-

чет пальцем в меня.

– Гостевую книгу! Живо!

– Ладно, ладно! Она наверху. – Никто никогда не поднимался с кресла так медленно, как я сейчас. – Я за ней схожу. Но пока я еще здесь, в гостиной... – Шажок в сторону лестницы. Ожидание. – Скажите, ведь вы уже не придерживаетесь версии о вине папаши-дальнобойщика?

– Я поступаю так, как требует мой долг. – Он рассеянно почесывает бицепс, демонстрируя ненароком татуировку – скелет с шаровыми молниями вместо глаз. – Пока что это рабочая версия. Насколько нам известно, мотива убить Оскара Стенли больше ни у кого не было.

– Так я и думала.

– Между прочим, мы живем на этой улице уже два дня... – бубнит себе под нос Джуд.

– И встречаемся с жителями, – подхватываю я. – Один из них вызвал у нас интерес. – Я показываю на брата. – Покажи ему, Джуд.

– Не надо ничего мне показывать, обойдусь, – ворчит охотник за головами.

Я прикладываю палец к губам, он недовольно сводит брови. Тем временем Джуд елозит пальцем по своему телефону, открывает музыкальное приложение и включает первую песню из своего списка – группы «Бличерс». Из Bluetooth-колонки на камине начинает литься музыка. По моему кивку Джуд делает ее громче – и тут же, как по сигналу, раздаётся

громкий удар в дверь, далее по стене нашего домика принимаются лупить шваброй.

– Не иначе Сал, наш сосед, – сообщаю я охотнику. – Точно так же он реагирует на свисток чайника и на мое... – Я знаю, что краснею. – Ну когда я пою в душе.

Мне показалось или у огромного татуированного придиры дрогнул уголок рта? Но его улыбка исчезает, так и не обозначившись, когда Сал заводит свою волынку:

– Эй, вы там, потише! Хватит донимать меня своей музыкой! Здесь ценят тишину, а вы, долбаные съемщики, вечно шумите! Как же вы достали! – И он переходит на истошный крик: – Так и поубивал бы мерзавцев, которые это устраивают! Как насчет моего права на тишину у себя дома, черт бы вас побрал?

Джуд выключает музыку, подбрасывает телефон в воздух, ловит и отправляет в карман, как ковбой из вестерна – свой пистолет.

– Слышали бы вы Сала, когда Тейлор затягивает что-нибудь из репертуара Келли Кларксон!

– Особенно его заводит Since You've Been Gone, – жалуясь я и ежусь. – Хотя, конечно, виновато может быть именно мое пение. Недаром его сравнивают с мяуканьем подавившейся кошки.

– Нечего на себя наговаривать! – возмущается Джуд. – Обожаю, как ты поешь!

У меня снова глаза на мокром месте.

– Спасибо.

Охотник за головами смотрит в потолок и тяжело вздыхает.

– Боже правый!..

Я делаю еще один неохотный шаг к лестнице.

– Ну, что скажете о нашем Сале?

– Скажу, что мысленно взял его на заметку, – цедит он сквозь зубы. Судя по его виду, возможно продолжение, но тут следует вмешательство со стороны самого Сала. Из кухонного окна доносится его голос:

– Пусть эта чертовка закрывает окна, когда разоряется, а то в моем доме потрескаются все зеркала!

Никогда еще мне не приходилось видеть такой прыти!

Только что охотник за головами сидел рядом, опасно поворачивая глазами – так опасно, что мне было не по себе. Я даже охнуть не успеваю, как он вскакивает и выбегает на крыльцо. Глухое восклицание Сала, невнятное бормотание охотника...

Мы с Джудом переглядываемся. У обоих отвисла челюсть.

– Что он там делает? – спрашивает мой брат шепотом. – Он вообще *кто*?

Я не успеваю ответить: наш гость вваливается в дом и так яростно хлопает дверью, что она едва не слетает с петель.

– Гостевая книга! Сейчас же!

Я несусь вверх по лестнице, перепрыгивая сразу через три ступеньки. Наверху я немного спотыкаюсь, смотрю вниз,

чтобы понять, преследуют ли меня, и издаю беззвучный вопль: охотник за головами поднимается следом за мной так бесшумно, что я застигнута врасплох. Он обхватывает мою талию своими горильими лапищами и со зверским оскалом ставит меня на ноги.

– Поторапливайтесь!

– Конечно... – лепечу я.

Он топает за мной по коридору, вторгается в спальню. У меня так колотится сердце, что закладывает уши и мелко пульсирует вена на шее. Розовый бюстгальтер и коротенькие шорты были еще приемлемы внизу, все-таки до пляжа рукой подать, и это Кейп-Код, но здесь, в этой плюшевой спальне с убранством на всю ту же морскую тему, я чувствую себя почти голой, от чего вся покрываюсь мурашками размером с виноградину каждая.

От застенчивости я перехожу в наступление.

– Необязательно было за мной идти. – Я встаю на колени перед своим чемоданом и оглядываюсь через плечо. – Будет вам книга.

Он громоздится надо мной, как небоскреб.

– Вы слишком медлили.

Я слепо роюсь в приоткрытом чемодане, отбрасываю брошюру с sudoku. Было бы гораздо проще, если бы я откинула крышку чемодана, но тогда он увидел бы пакетик с моими сексуальными трусиками, и тогда я скончалась бы от стыда.

– Что вы сказали Салу? – спрашиваю я его.

– Об этом не беспокойтесь.

– Тейлор? Что там у тебя? Все в порядке? – кричит снизу Джуд. – Я поднимаюсь.

– Не надо, все хорошо! – кричу я в ответ. По какой-то странной – возможно, надуманной – причине я уверена, что этот человек не причинит мне вреда. При этом для всех остальных он – темная лошадка. Последнее, чего я хочу, это чтобы оказался в опасности Джуд. – Мы просто болтаем. – Я облизываю губы, соображая, как лучше успокоить брата. – Джуд? Кокосы!

– Осторожнее с кодовыми словами, Дюймовочка, – предупреждает меня охотник за головами, падая на колени рядом со мной. Я не успеваю глазом моргнуть, как он рывком открывает мой чемодан. Разумеется, они тут как тут – мои красные кружевные трусики. Не где-нибудь сбоку, а прямо у него перед носом, захочешь – не пропустишь.

Только без паники. Надеюсь, он проявит учтивость и притворится, что не замечает моего позора.

– Это что? – спрашивает он, указывая на трусики пальцем.

– Это... А то вы не знаете!

Он переводит взгляд с чемодана на комод.

– Почему вы их не вынули, как все остальное?

Лицо у меня теперь краснее трусиков.

– Потому что не знала, понадобятся ли они мне.

Он понимающе кивает.

– Вы захватили их с собой на тот случай, если кого-нибудь

повстречаете.

На это мне нечего ответить. Я роюсь в чемодане и наконец выуживаю оттуда гостевую книгу. Но он уже утратил к ней интерес: не торопится забрать ее и убрать. Он сверлит меня взглядом из-под густых бровей.

– Значит, вы прихватили сюда пару тусовочных трусиков?

– Это работает иначе. Чтобы так их назвать, пришлось бы сначала в них, как вы говорите, потусоваться.

Зачем? Зачем я это лягнула? Уж не для того ли, чтобы ускоренно перемотать свою жизнь и поставить в ней точку?

– Вы бегаєте на свидания, да? – Он ставить точку явно не намерен. Только что помирал, как хотел отсюда смотреть, а теперь настроился на болтовню. – Должно быть, только этим и занимаетесь.

– С чего вы взяли?

Он закатывает глаза.

– Только не надо этих игр.

– Какие еще игры?

– Вы притворяетесь, будто не знаете, что красивы, чтобы вытянуть из меня комплимент. Так это работает, Дюймовочка? – Он натужно смеется. – Ничего у вас не получится.

Я могла бы указать ему на то, что комплимент уже прозвучал: он назвал меня красивой. Могла бы, но не стану. Это было бы по-детски.

– Да, свидания случаются. Но не скажу, что только этим и занимаюсь. Скорее от случая к случаю.

Его лоб покрывается испариной – это что-то новенькое.

– И что, до тусовочных трусиков дело не доходит?

– Хватит их так называть! – Я что есть силы пихаю его в плечо, но он этого даже не замечает. – Я не девственница. Просто... разборчивая. Непростительно разборчивая. И поэтому обречена на одиночество.

Он переваривает это с непроницаемым лицом.

– Дайте угадаю. Вам подавай мужчину в костюме и в носках с узором ромбиком. Чтобы вкалывал почему зря и утром читал за завтраком финансовый раздел газеты, бормоча, как робот: «Да, дорогая» и «Нет, дорогая».

– Смелое предположение!

У него кривится верхняя губа.

– А что, неправда?

Вызов в его взгляде заставляет меня забыть про вежливость и ступить на неизведанную территорию. Наверное, найдя тело бедняги Оскара, я обрела свет. Наверное, но не точно. Так или иначе, стоя на коленях рядом с этим гигантом, я невольно вспоминаю сразу много кого: людей, с которыми сталкивалась за жизнь, институтских друзей, коллег и, главное, родителей, всегда хвалящих мою благоразумность. Да, для меня превыше всего безопасность. Даже второклашки то и дело указывают мне на мои причуды. Им трудно не хихикать, когда я проверяю мизинцем температуру кофе даже после пяти-шести глотков. Что ж, лучше перебдеть, чем обжечься. Когда малыши задерживаются в туа-

лете дольше чем на пять минут, я отправляю за ними спасательный отряд. Не утверждаю, что недавняя близость к убийству превратила меня в новую Лару Крофт, но все-таки в последние два дня я чувствую больше смелости, чем когда-либо раньше. Этому громиле не удастся снова превратить меня в трусиху, пусть даже не пытается.

Да и вообще...

Не так уж я стремлюсь к безопасности. Во всяком случае, не во всем и не всегда. Во мне живет кое-какое – может, даже не такое уж слабое – желание... изюминки.

– Наверное, я бы не возражала против мужчины в костюме и в носках, читающего про финансы. Такой меня бы устроил. Главное, чтобы в постели он не обращался со мной, как с хрупкой фарфоровой вазой.

Господи, до чего приятно видеть, как с его физиономии пропадает ухмылка! Съел, дурачина?

– Но тут берет верх моя разборчивость. Либо одно, либо другое. С одной стороны, мне бы такого, кто хорошо зарабатывает и хочет создать семью. С другой стороны, не возражаю, чтобы иногда меня... мной помыкали. Ну чтобы ставили на место и напоминали, кто у нас главный. Избыточное требование? Все три раза, когда я встречалась с мужчинами достаточно долго, чтобы... ну вы понимаете... В общем, все трое слишком уважали меня в постели. Невероятное разочарование. Ноль звезд. Не рекомендую.

Испарина на его лице становится все заметнее. Никуда

не денешься, шок!

Я довольна своей новообретенной смелостью. Лишить охотника за головами дара речи – это ли не подвиг?

А впереди еще целых четыре дня отпуска!

– Держите! – Я похлопываю его по плечу. – Книга ваша. Можете идти.

– Книга?.. – ошеломленно переспрашивает он.

– Ну да, гостевая. – Сегодня лучший день моей жизни. – Она у вас в руках.

– Действительно...

– Чтоб вы знали, до компании девушек, въехавшей в дом на прошлой неделе, его никто не арендовал с прошлого лета. – Я выпрямляюсь, держась на угол кровати. – Потому что здесь целых десять месяцев проживал сам Оскар.

– Вот как? – бормочет охотник за головами, уставившись на мой пупок, как будто мой голос доносится до него оттуда. Можно было бы притвориться, что мне не нравится его внимание, но этот корабль покидает гавань на полном ходу. Я сразу сочла его привлекательным, меня не смутила его первобытная грубость. А уж сейчас, в спальне, когда я снабдила его подробностями своих сексуальных предпочтений, между нами стала налаживаться интимная связь. Это что-то могучее, нутряное. Ничего не могу с собой поделаться: мой организм на него реагирует. Причина в том, что он *определенно* не тот, кого я ищу, чтобы остепениться, зато он точно преподнес бы мне тот ускользающий всплеск ощущений,

за которым я всю жизнь гонюсь. Или по крайней мере что-то близкое к этому. Я уже начинаю думать, что сочетание животного влечения, искренней любви и уважения – выдумка киношников и романисток.

Тем временем его взгляд ползет вниз, к молнии на моих шортах, еще ниже... Он облизывает губы. Я начинаю задышаться. Господи. Что будет дальше? Ничего! Разве может *такое* произойти среди бела дня, да еще когда внизу расхаживает мой брат?

Похоже, одна я взвешиваю здесь все «за» и «против», потому что охотнику за головами не до того: он хватает меня за шорты, обжигая своим прикосновением, и подтягивает меня вперед. От неожиданности я поддаюсь. Он согревает своим дыханием мой живот, а я запускаю пальцы ему в волосы, возбуждение пронизывает мое нутро, там просыпается водопад в милую высоту. Он меня *лизжет*: медленно проводит кончиком языка по всему моему голому животу, потом кусает – легонько, но я все равно ахаю.

– Майлз, – произносит он хрипло. – Так меня зовут.

– Майлз... – повторяю я шепотом, чувствуя, как у меня подгибаются колени.

– Тейлор! – доносится снизу встревоженный голос Джуда. – Все хорошо?

– К... кокосы, – пытаюсь я выговорить, но получается абракадабра.

Охотник за головами вскидывает голову, прерывисто

вздыхает, встает и с прищуром смотрит на меня сверху вниз. Потом берет меня за подбородок и внимательно, дюйм за дюймом, разглядывает мое лицо.

– Может, ты не была удовлетворена, потому что тебя слишком обхаживали. Но в этом по крайней мере была ласка. Я ни на что подобное не способен. Нет уж! Поверь, если бы мы переспали, ты бы чувствовала себя гораздо хуже. Когда тебя уважают, это лучше, чем пустой секс. А я только его и могу предложить.

– Вдруг мне этого и хочется?

У него расширяются зрачки, он подступает ко мне. Теперь его очередь запустить пальцы мне в волосы. Он осторожно наматывает их на кулак.

– Проклятье, до чего же я этого хочу! Если бы ты натянула для меня свои красные трусики, то этому матрасу досталось бы по первое число. Но это худшая идея, которая посещала меня за долгие годы, и поверь, Дюймовочка, это что-то да значит. – Он с видимым усилием отпускает мои волосы, пятится, берется дрожащей рукой за подбородок. – Не навлекай на себя беду, Тейлор. Я серьезно.

Он намекает, что уже не вернется?

Я рассеянно киваю, стараясь скрыть свое огромное разочарование тем, что он больше ко мне не прикасается. Я вся пылаю, мне не стыдно, что он видит меня почти голую, меня крутит и сводит в самом интимном месте. Он действительно уходит. Разум подсказывает мне, что у меня нет выбора. Он

прав, мне противопоказана связь с охотником за головами, со злодеем, выглядящим – и поступающим – как по меньшей мере беглец из ада. Наверное, я переоцениваю свою способность к дикой интрижке. Наверное, у меня головокружение от своей свежееобретенной смелости. Хотя на самом деле я не создана для бездумного секса...

– Сосед больше вас не побеспокоит. Пой песни Келли Кларксон сколько тебе влезет.

Видно, что он спохватывается, что сказал глупость. Выбравшись себе под нос, он разворачивается на каблуках и покидает спальню. Через пару секунд внизу хлопает дверь. Я инстинктивно подбегаю к окну и вижу, как Майлз садится на свой мотоцикл – теперь я понимаю, что это «Харли-Дэвидсон» – и надевает шлем. Глядя вверх, на меня, он заводит байк. От судороги между ног я вынуждена их скрестить. Он опускает голову и с ревом уносится прочь.

Я валяюсь на постель и тупо смотрю в потолок, дожидаясь, пока мое либидо вернется на привычный разумный уровень. В комнате чего-то не хватает, но я не сразу соображаю, чего именно. Когда появляется Джуд, чтобы удостовериться, что я осталась жива, я на автомате тяну руку к чемодану, чтобы его захлопнуть. Не хватало дважды в день оправдываться за свои легкомысленные покупки!

И тут я спохватываюсь, что пропали мои красные трусики. На их месте осталась визитная карточка Майлза.

Глава 5

Майлз

Чувствую, мне чего-то не хватает.

Не пойму, чего именно. Разберусь, когда увижу все собственными глазами.

Утро пятницы. Только рассвело, а я уже опять в доме Оскара Стенли. Вчера вечером я сгонял в Уорчестер, хотел сам расспросить Джадда Форрестера, водителя грузовика, поколотившего Стенли, но он оказался в отъезде, вернется только сегодня под вечер. Вчера вечером, засев в номере мотеля, я предварительно набросал хронологию событий, а потом попробовал разобраться, что представляют собой соседи Стенли по Кориандер-лейн и его сослуживцы на почте, хотя он слыл нелюдимым человеком. Полистал гостевую книгу и убедился, что Тейлор права: Стенли не сдавал дом целых десять месяцев, пока не заехала группа девчонок. Раньше проблем с арендаторами не было, все оставляли восторженные отзывы.

И все же что-то здесь не так... Никак не нащупаю, что именно.

Забросив себе в утробу таблетку от изжоги, я кружу по гостиной, косясь в окно на домик Тейлор. Меня все тянет и тянет поглядывать в ту сторону. Еще несколько подходов к ок-

ну – и я протопчу на паркетe дорожку.

Полдня миновало уже с того мгновения, когда я провел кончиком языка по ее гладкому загорелому животу, и все это время у меня не проходит эрекция. Вкус у нее, доложу я вам, как у яблока в карамели. Трудно удержаться, чтобы не куснуть. Я и не удержался.

А еще докладываю, что она обволокла меня, как горячая карамель.

Прекрати вспоминать, как она шептала твое имя. Как дрожала. И не смей вспоминать, что со вчерашнего дня таскаешь в кармане ее трусики.

Проклятье, как ей удалось пролезть ко мне в башку? Да так быстро! Пролезть и угнездиться. Ни к чему себя обманывать. Будь дело просто в вульгарной похоти, я бы швырнул ее вчера на кровать и дал ей именно то, о чем она просила. *Не возражаю, чтобы иногда мной помыкали. Чтобы ставили на место и напоминали, кто главный.*

Так и сказала, чертовка.

Меня не так-то просто привести в замешательство, застигнуть врасплох. Всем, кроме нее.

Любопытная училка хочет грязного секса.

И что я сделал после этого ее признания? Взял и сбежал! Чем обрек себя на адские муки. Штука в том, что грязный секс – единственный известный мне вариант. Моя интуиция срабатывает, выходит, не только при расследовании преступлений. Вот и вчера внутренний голос нашептал мне: прова-

ливай из этой спальни, а то потом тебя бульдозером не вытащишь. Сейчас я очень близок к этому постыдному состоянию.

Забыл, что ли, что должен расследовать преступление?

Опомнись, включи мозги!

Если мое прошлое чему-то меня научило, то его урок прост: отвлечешься – наделаешь ошибок. Я не понаслышке знаю, что может произойти, сколько жизней может быть загублено, стоит сыщику зазеваться. Хотя я и сдал три года назад свою бляху, в этом деле я выполняю обязанности детектива. Старый друг попросил меня об услуге, и я пошел ему навстречу. Если мне не под силу толком расследовать одно-единственное дело, то это значит, что я зря просиживал штаны в полицейской академии.

Сосредоточься!

Глянув еще разок в окно, я тащусь в гараж, искать инструмент, которым сверлили дырки, и заодно прикидывать, как давно это сделано. Но ничего такого я не нахожу, всего лишь разный хлам: пляжные шезлонги, спущенное велосипедное колесо, коробку мышеловок.

Бреду обратно в дом – и на полпути замираю.

Кто-то напевает себе под нос. Это женщина. И я уже знаю, кто именно.

Мой живот напрягается от этого знания, как барабан, что не способствует сосредоточению.

Огибаю угол, вхожу в гостиную – и чуть не врезаюсь в Тей-

лор. Она опустилась на корточки и, светя себе фонариком телефона, шарит под диваном.

– Что-то потеряла?

От неожиданности она вскрикивает. К счастью, крик обрывается через долю секунды, потому что она видит в окне над диваном свое отражение. Прижав руку к вздымающейся груди, она плюхается на пол, прижавшись спиной к сине-белому дивану.

– Не видела перед домом твоего мотоцикла!

– Я оставил его неподалеку.

– Почему?

– Не хотел, чтобы ты его увидела и прибежала сюда мешать мне.

Вру и не краснею! Я остановился чуть дальше по улице, чтобы выпить кофе, и пришел оттуда пешком – не ехать же два шага на байке.

– О!.. – Уголки ее рта ползут вниз. – Понятно.

Я уже готов сказать ей правду, лишь бы она не хмурилась. В кого я превращаюсь?

Уж точно не в хлыща, говорящего комплименты ее красоте. Хотя ей очень идет голубенькое боди.

– Что ты тут забыла, Дюймовочка?

Она поджимает губы.

– Тебе нужно, чтобы мы враждовали? Я действительно тебя раздражаю или тебя когда-то больно ужалила какая-то

оса² из Коннектикута, и теперь ты на мне отыгрываешься?

– Первый вариант: ты меня раздражаешь.

Снова вранье. На самом деле я считаю ее до чертиков забавной. Очень упорной. А главное, эффектной. Очень.

– Благодарю за честность. – Она встает и отряхивает шорты. Я машинально соображаю, как ловчее стянуть с нее их вместе с боди. – Учти, очень часто причина дружбы двух людей – общая вражда к кому-то. Это наш случай. Мы объединились против убийцы Оскара.

– Я работаю один. Никаких объединений.

– Пускай, но мы хотим одного и того же. В этом мы совпадаем. Моих учеников сначала объединяет нежелание делать «домашку», а потом они начинают понимать, как много у них общего. – Она всплескивает руками. – Шикарная мысль: давай на счет «три» назовем то, что не выносим.

Представляю, как она призывает к вниманию свой класс: заметная, яркая, находчивая. Уверен, у нее все получается.

– Мне не до игр...

– Раз-два-три, богатырский чих!

– Сказал, не хочу... – Меня вдруг разбирает хохот. – Что-что?

– Богатырский чих! Некоторые взрослые позволяют себе чихать так же, как чихали, когда были маленькими. Терпеть этого не могу!

---

² Игра слов: wasp (*англ.*) – оса, а также сокращенно «белая протестантка англосаксонского происхождения».

– Нет чтобы признаться, что ненавидишь это.

– Слово «ненавидеть» в моем классе недопустимо.

– Мы не у тебя в классе, – напоминаю я ей, хотя был бы не прочь полюбоваться ею перед второклашками. Сам не знаю, по какой причине...

– Мне нужна тренировка. – Она двигает в мою сторону кофейный столик, и я вижу полосы загорелой кожи у нее на плечах. Где еще подсмотреть ее загар: на бедрах, на груди? Точно не между ног... Опять я за свое! – Наверное, охотнику за головами полагается быть врединой. Ты тренируешь в себе это качество?

Я оставляю ее вопрос без ответа – главным образом потому, что яблочный запах становится все сильнее, мешая мне складывать звуки в слова.

– Тебе нравится твоя работа?

– Работа как работа.

– Грубая и страшная.

С этим не поспоришь. Я киваю, гадая, куда она клонит, и жду продолжения, как подсказки, что настал момент забросить ее на плечо, отнести в домик напротив и там велеть не трепыхаться.

– Тебе случалось отпускать того, кого ты выследил?

– Нет.

– Никогда?

– Однажды было дело... – Неужели я сказал это вслух? Не было у меня такого намерения. Я вообще не планиро-

вал болтовни, а собирался грубить, пока она не уйдет и не приступит к безопасному отдыху, подальше от расследования убийства. — Одного я все-таки отпустил.

— Правда? — шепчет она, как будто я поделился с ней большим секретом.

Мне куда привычнее оставаться одному. Я даже склонен к одиночеству, приветствую его. Но сейчас у меня, наверное, редкий момент слабости. Устал, должно быть, от ночного лазания по интернету. В итоге ловлю себя на том, что... *болтаю* с этой училкой. Долго, годами ни с кем так не болтал.

— Это была мамаша трех ребятешек. Она боялась прийти в суд в назначенный день, потому что отец ее детей тоже грозился туда явиться, чтобы устроить скандал, попытаться отнять у нее детей, заставить ее заплатить за то, что ушла. Кто-то донес на нее копам, но я ее пожалел.

— Как же ты с ней поступил?

— Никак. — Она так напряженно на меня смотрит, что я вынужден нарушить молчание. — Спрятал их в укромном месте. Не знаю, что с ними было потом.

Оттенок ее зеленых глаз меняется, становится мягче. Теперь это какие-то джунгли, и я невольно придвигаюсь ближе к ней, чтобы разобраться в этой перемене. Почему она так на меня смотрит? Я изображаю бесчувственность и пренебрежение, чтобы ей было со мной неприятно.

— Каково это — учить? — ворчливо спрашиваю я, чтобы перенести внимание с себя на нее, а не потому, что она мне

интересна.

– Мне очень нравится, – отвечает она тихо. – Даже необходимость сдавать в полицию учеников, уклоняющихся от явки в суд, для меня не помеха.

Меня разбирает смех – хотя, может, это хрип, вызывающий у нее улыбку. Я пристально вглядываюсь в ее лицо, гадая, какими будут на вкус ее губы. Придется спустить с ее плеч лямки или она сами съедут – вот в чем вопрос.

– Видишь, тебе смешно, – бормочет она. – Мое участие не приносит так уж много вреда. Попробуем еще раз. На счет «три» назови что-нибудь, что тебе не нравится.

Так я и знал! Она меня убаюкивает, навевает ложное ощущение безопасности.

– И не подумаю... – слабо защищаюсь я.

– Раз, два...

– Ключ-шестигранник! – вырывается у меня.

– Когда люди толпятся у прилавка в Starbucks, – выдает она свою версию, – и нетерпеливо смотрят на беднягу бариста, подгоняют его. Честно, это... – У нее расширяются глаза. – Ты сказал «ключ-шестигранник»? Я их тоже не выношу, хотя у меня их полный ящик – рука не поднимается выбросить. Хорошо! У напарников есть кое-что общее.

– Вот уж нет!

От ее удрученного вида у меня такое чувство, словно меня перекусывает пополам крокодил. Не успев спохватиться, я смягчаю тон, подхожу к ней еще ближе, вдыхаю ее яблочный

аромат так жадно, словно запасаясь им на зиму.

– Это не такое простое дело, поэтому меня не устраивает, что ты в него встреваешь. Вот так.

Тейлор моргает.

– Во что я встречаю?

Она лезет в дебри – это меня и не устраивает.

– Ты навлекаешь на себя опасность.

Непонятно, откуда такое замешательство. Я совсем чуть-чуть, самую малость приоткрыл карты. Не стану же я говорить ей прямым текстом, что от одной мысли, что ей что-то угрожает, меня начинает тошнить?

– Я давно в возрасте согласия. Я сама выбираю, хочу ли рисковать.

– Нет. – Я решительно мотаю головой. – Нет!

– С тобой трудно иметь дело, – жалуется она придушенным тоном. – Что ж... – Я глазом не успеваю моргнуть, так быстро она от меня отходит, забрав с собой свой яблочный аромат. – Не буду тебе мешать.

Она направляется к двери, и одна половица, на которую она ступает, слегка перекашивается, как будто не закреплена сбоку. На беду, это замечаю не только я, но и сама Тейлор.

Мы дружно наклоняемся и видим краешек тонкого белого конверта.

Глава 6

Тейлор

От неожиданности у меня перехватывает дыхание.

Разве в реальной жизни под половицей может быть спрятан конверт? Нет, в «Высеченном в кости» такого не бывает.

Но здесь – будьте любезны. Причем нашедший спрятанное письмо – это будущая жертва. Наверняка письмо издательское, в стиле серийного убийцы Сэма Берковица³.

– Что за черт?.. – Майлз нагибается и достает конверт. Косясь на меня, он не скрывает озабоченность.

– Шла бы ты отсюда, Тейлор.

Наверное, он прав: ситуация все более пугающая.

В тридцати ярдах отсюда я нашла мертвеца, и если честно, еще мне стало сильно не по себе, когда я нашла дырки для подглядывания. Тоже мне отпуск с братом! Вместо отдыха я все глубже погружаюсь в неведомое.

Но сильно ли я напугана? Нет, только самую малость. Это еще далеко не конец света.

Думаю, я не уступаю в стойкости остальным людям. А может, даже превосхожу многих из них.

---

³ Дэвид Берковиц (*англ.* David Richard Berkowitz; при рождении Ричард Дэвид Фолко (Richard David Falco; род. 1 июня 1953 года, Бруклин, Нью-Йорк, США), также известный как Сын Сэма и Убийца с 44-м калибром) – американский серийный убийца.

Если я сейчас сбегу, то уже ничего не узнаю. Моим выбором будут безопасность, надежность, обыденность. Тейлор продолжит свою охоту на безопасного, надежного, ориентированного на обыденность партнера. Другой вариант – остаться здесь и узнать, что в конверте.

Разумеется, я остаюсь.

Может, сообщить об этом в редакцию «Высеченного в кости»? Если только это не список покупок в бакалее, случайно угодивший под расшатавшуюся половицу. Впрочем, что-то мне подсказывает, что это не так. Майлз достает из конверта листок, читает – и угрюмо стискивает зубы. Моя догадка подтверждается.

Он собирается спрятать листок в карман рубашки, не намереваясь показывать его мне. Нет уж, ничего не выйдет! Раз я приняла решение остаться и принять участие в расследовании, то у него не получится скрыть от меня новую улику. Я тянусь к его карману. Для него это полная неожиданность. Никто из моих знакомых не ждет от меня такой наглости, мордашки моих учеников – вот где я прочла бы искреннее одобрение.

Я выхватываю у него письмо прямо в воздухе – каких только подвигов мы не совершаем, повинуюсь инстинкту! Знаю, у меня есть не больше трех секунд, прежде чем он отнимет у меня улику, но я все же успеваю прочесть три строки каракулей:

Ты потонешь вместе со мной.

Все узнают, кто ты.

Я давно это знаю, но это недолго останется моим секретом.

Я еще не дочитала последнюю угрожающую строчку, а Майлз уже опомнился: он пытается отнять у меня письмо, я шарахаюсь в сторону и спотыкаюсь о его колено. Он, бранясь, пытается поймать меня на лету, но поздно: я падаю навзничь, он наваливается на меня всеми своими двумястами пятьюдесятью фунтами мышц. Подстегиваемая гордостью, я делаю глупую попытку не отдать ему письмо, подняв его над головой и при этом изогнув спину. Ну-ка, дотянись!

Он оглушает меня своим рыком.

У меня перехватывает дыхание, отчасти от смеха, потому что всякая попытка сопротивляться профессиональному охотнику за головами попросту смешна. Но в следующую секунду наша диспозиция перестает казаться мне смешной. Он пригвозждает меня к полу, мы громко пыхтим, и в промежутке между нами все явственнее обозначается выразительная выпуклость. Соотношение наших размеров говорит не в мою пользу. Мне не надо приглядываться, чтобы понять, как мы с ним сейчас выглядим, но, все же приглядевшись, я прихожу в ужас.

Мои груди практически полностью вырвались на волю: верх бикини в пылу борьбы съехал вниз, и он вот-вот узрит

мои оголтелые соски – именно *оголтелые*, ибо уже обрели твердость камня и ноют тем невыносимее, чем дольше этот осатаневший детина прижимает меня всей своей тяжестью к полу. Я отдаю себе отчет не только в несовпадении наших габаритов, но и в разнице в возрасте: он старше меня минимум на восемь лет и, без сомнения, гораздо опытнее в сексе. Опытнее и опаснее. Осатанел, опасен – а я извиваюсь под ним и все сильнее дразню. Отсюда его несокрушимая эрекция.

– Я встаю, – предупреждает он меня, тяжело дыша.

– Вставай, – соглашаюсь я и выпускаю письмо.

Когда мои пальцы перестают сжимать письмо, мне больше не за что бороться. Остается лежащий на женщине мужчина, держащий ее за запястья. Судя по его виду, он готов сожрать меня живьем, проглотить одним глотком.

Мое тело прямо-таки молит об этом!

Я вся вибрирую, организм настаивает, чтобы я раздвинула ноги, сжала его бедрами, приподняла таз и заставила Майлза меня касаться, применить ко мне силу, сейчас же!

– Пожалуйста.

– Что «пожалуйста»? – Он запускает палец мне под боди и тянет край вниз, обнажая мои торчащие соски. Из его богатырской груди вырывается рык. – Взять в рот твою грудь? Так и знал, что ты не загорела под купальником. Черт!

Я лежу под ним пьяная.

Просто у него такая манера речи. По-другому он не умеет.

Режет сплеча правду-матку. Это был комплимент? Непонятно, с какой стати его грубости заставляют меня нетерпеливо ерзать. Я еще выразительнее выгибаю спину, побуждая его перейти к действиям, которые он так недвусмысленно обозначил. О да! Он коротко выразил мое собственное желание.

– Пожалуйста.

Длинные волосы закрывают ему лицо, я почти не могу разглядеть его черты. Ясно только, что выражение лица суше, чем некуда. Рот приоткрыт, глаза потемнели.

Он отпускает одну мою руку, вынимает из-за ремня пистолет и аккуратно кладет его на пол. После этого медленно тянется к моей обнаженной груди. У меня щекотно в животе. Я горю желанием узнать, что будет дальше, к какому местечку он сначала прикоснется. А он пока всего лишь поднял руку! Я задерживаю дыхание, прикусываю язык. *Я вся дрожу!* Я жду всего лишь прикосновения, а чувство, как в ожидании приступа нестерпимой боли.

– Ну ты и распалилась! В жизни такого не видывал. Хочешь, да?..

Чуть высунув кончик языка, он легонько подносит подушечку указательного пальца к моему заждавшемуся соску и очерчивает вокруг него круг.

– Хочешь...

Я не могу сдержать стон, получается неприлично громко и бесконечно. Я вся напряжена и при этом растекаюсь под ним. Понятия не имею, что будет дальше и чего мне хо-

чется. Лишь бы поскорее. Вот прямо сейчас! Отвергаю любые мысли, пусть за меня думает и решает он. За меня и за нас обоих. Думает и решает день напролет. Кажется, я сообразила, чего мне хочется: чтобы он меня похитил!

Он переключает внимание на другой мой сосок и продлевает с ним ровно то же самое. Этак он меня прикончит!

– Твой милый ротик кланчит поцелуя?

– Д-да.

– Повтори четко, не лязгай зубами.

– Да.

Эта рука! Она продолжает легкое скольжение, добирается до моего горла – и стискивает его. От неожиданности я ахаю, промежность пылает огнем, нежная плоть размыкается, ноги уже раздвинуты. А как иначе, когда нет выбора? Он без малейшего усилия размещается между моими коленками, угрожающе посмеиваясь.

Его рот тянется к моему. Я готовлюсь – облизываю губы.

Снаружи хлопает дверца автомобиля. Несмотря на прилив вожеления, я догадываюсь, что это, скорее всего, сдвижная дверь фургона на подъездной дорожке моего дома. После этого громкого звука смолкает рокот сразу нескольких двигателей, его сменяют возбужденные голоса, шаги – стук каблучков, шуршание подошв.

– Располагаемся здесь. Поторапливайтесь! – командует немолодой женский голос.

Майлз с бранью вскидывает голову и скатывается с меня.

Поправив ширинку, чтобы скрыть эрекцию, он подает мне руку. Потом щиплет меня за задницу. Ударяется лбом о мой лоб. Только сейчас я понимаю, как мне недоставало этого доказательства... чего? Надежности? В следующую секунду у меня холодеет в животе. Он смотрит мне в глаза, и я киваю – сама не зная чему. Не иначе в подтверждение того, что мне понравилось лежать под ним, понравилась его хватка на моей глотке. Все это так меня взбудоражило, что только этот его пристальный взгляд способен меня успокоить. В моем кивке содержится некая важная для него мысль, не нуждающаяся в проговаривании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.